

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

Цѣна подписки:

На 1 годъ 6 руб.

, 1/2 года 3 ,

Цѣна отдельного №:

въ Петербургѣ 25 к.

въ провинціи 35 ,

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБОЗРЕНІЕ.

Подписчики получаютъ бесплатно всѣ изд. „Петр. Волын. Тип.“
Подписка на журналъ, а также корреспонденціи и статьи принимаются у лицъ, публикующихъ извѣстныхъ.

СОДЕРЖАНИЕ. Признаки времени. — Образцы державного краснорѣчія. — Фальсификація литературы и новые революционеры. — **На смерть И. М. Ковалевского** (Спихотврение). — **Фельетонъ.** Письма чистосердечнаго россіянина (Письмо второе). — **Одесса во время суда надъ Ковалевскимъ.** §§. — **Корреспонденціи.** Изъ Калинскай станицы. — Изъ Харькова. — **Наша домашнія дѣла.** Правительственные документы. — придворное извѣстіе. — Отголоски исторіи Царикевича. — Волненія въ учащейся молодежи. — Къ хроникѣ арестовъ въ Петербургѣ и провинціи. — **Извѣстія.** Съ Новой Бумагопрядильни. — Изъ Архангельской губерніи. — Изъ Кинешмы. — Изъ Одессы. — **Изъ-за границы.** Союз Ливорнскихъ студентовъ имени Карла Нобелинга. — Биографическая свѣдѣнія о Хуанѣ Рамонѣ Олива и Монкуси. — **На свѣжую воду!** (Маккія извѣстія, замѣтки, курьезы, слухи). — **Объявленія и извѣщенія.**

ОТЪ РЕДАКЦИИ. — Быстрое распространеніе первого № нашего журнала, произошедшее всякия ожиданія, не дало намъ возможности удовлетворить запросу на него публике, въ особенности пропагандистской. Въ виду этого, желающимъ иметь полное годовое изданіе „Земли и Воли“ мы предлагаемъ заблаговременно заявлять о томъ цапицъ агентамъ. Въ случаѣ достаточнаго количества подобныхъ требований, мы отпечатаемъ первый № вторымъ изданіемъ. — Опять первого № заставитъ насъ печатать второй № въ удвоенномъ количествѣ экземпляровъ. Отчасти это обстоятельство, а главнымъ образомъ желаніе наше дать читателямъ извѣстія о последнихъ событияхъ задержали свое временійный выпускъ второго № „Земли и Воли.“

Текущій 1878 годъ долго будетъ памятенъ человѣчеству, какъ одинъ изъ этаповъ поступательного шествія революціи. Никѣмъ не судимые, никому не подсудные земные боги — цари и царскіе времененщики — убѣждаются на собственной шкурѣ, что и на нихъ есть судъ. Рѣшавшіе однимъ почеркомъ пера вопросъ о жизни и смерти человѣка съ ужасомъ увидали, что и они подлежатъ смертной казни.

Перебирая въ памяти различныя эпохи исторіи, мы нигдѣ не встрѣчаемъ такого настойчиваго повторенія покушеній на жизнь представителей монархического принципа, какъ въ текущемъ 1878 году.

Что это: случайное совпаденіе или признакъ времени?

Первому предположенію никто не вѣритъ, и всего менѣе мы, соціалисты-революционеры. Мы и взялись за перо, чтобы, по мѣрѣ силъ, выяснить смыслъ безпрѣмѣнныхъ въ исторіи событий, совершившихся на глазахъ всей Европы. Мы считаемъ свою обязанностью взяться за эту задачу, такъ какъ до сихъ поръ, несмотря на горы исписанной бумаги, ни въ иностранной, ни въ нашей отечественной прессѣ никто не рисковалъ взглянуть прямо въ глаза стоящимъ передъ нами событиямъ. Кромѣ благороднаго негодованія, иногда

искренняго, а чаще напускнаго, кромѣ спичьихъ на живую нитку соображеній о зловредныхъ элементахъ общества, о «шайкахъ интернационалистовъ», — мы не слыхали ничего въ объясненіе совершившихся покушеній противъ коронованныхъ особъ. Все это, можетъ быть, очень благонамѣрно, но крайне тенденціозно, и дѣла нисколько не разъясняетъ. Но если мало сдѣлано до сихъ поръ для беспристрастнаго анализа вопроса, то, наоборотъ, досужихъ гипотезъ, пуганицы и лжи внесено въ него такъ много, что желающему бросить въ публику самостоятельный взглядъ на дѣло приходится, волей-неволей, разобраться первоначально среди этого хаоса и подвергнуть критикѣ ходячія сужденія и афоризмы, возведенные чуть ли не на степень неопровергимыхъ аксіомъ.

Прежде всего, мы намѣрены выяснить разницу между покушеніями на жизнь коронованныхъ особъ въ Европѣ и тѣми примѣрами казни предателей, шпионовъ и высокопоставленныхъ злодѣевъ, къ которымъ вынуждена была прибѣгнуть революціонная партія въ Россіи. Видимое, виѣшнее сходство этихъ событий дало поводъ прессѣ сваливать ихъ въ одну чучу и возводить къ одному и тому же источнику эти два совершенно различные явленія.

Отвѣтственность за смертную казнь преступниковъ въ Россіи открыто и явно брала на себя русская соціально-революціонная партія. Она не только официальными признавала совершившіе факты, заявляла заранѣе о своихъ приговорахъ и давала предостереженія, но и объясняла всегда мотивы своихъ приговоровъ передъ публикой. Изъ этихъ объяснений очевидно, что тяжелая карающая рука русскаго революціонера подымается всегда на защиту интересовъ своей партіи, и только на ихъ защиту. Изъ совершившихся до сихъ поръ фактовъ нельзѧ заключить, чтобы русскіе революціонеры нападали преимущественно на какойнибудь отдельный классъ общества или представите-

лей известной идеи. Съ идеями они борются идеями же. Тактика же ихъ—просто тактика воюющей стороны: бьемъ тѣхъ, кто бьетъ насъ, кто намъ опасенъ, и потому, что онъ намъ опасенъ. Говорятъ, Мезенцевъ былъ очень добрый человѣкъ,—можетъ быть! Но по отношенію къ русскимъ революціонерамъ онъ былъ звѣремъ, дикимъ звѣремъ, мучителемъ по призванію,—и на него было направленъ ударъ. Баронъ Гейкингъ былъ либераль; онъ, говорятъ, даже предупреждалъ кое-кого изъ своихъ знакомыхъ объ обыскахъ и арестахъ,—но относительно русскихъ революціонеровъ онъ держалъ себя крайне подло; это былъ двуличный и опасный человѣкъ для революціонеровъ, искусный шпionъ, угрожавшій свободѣ многихъ лицъ,—и онъ былъ казненъ. Русские революціонеры преслѣдуютъ съ одинаковой безпощадностью какъ высокопоставленного злодѣя, такъ и простого уличного шпиона или болтуна-дѣносчика. Во всемъ этомъ они руководятся лишь интересами своей партіи, а до одобренія или порицанія общества имъ нѣтъ дѣла:

Послѣ 4 авг. часто приходится слышать въ обществѣ: «отчего русские революціонеры не убьютъ Толстого?» Заявленіе такого рода звучитъ крайне странно: оно показываетъ, что, несмотря на неоднократные разъясненія, русское общество никакъ не можетъ взять въ толкъ тактики революціонеровъ. Къ смертной казни революціонеры прибегаютъ тогда, когда не остается другихъ средствъ для защиты. Но развѣ все русское общество настолько бессильно, что не можетъ справиться съ однимъ негодяемъ—министромъ? Развѣ оно, если-бъ захотѣло, если-бъ действительно любило своихъ дѣтей, не могло избавить ихъ отъ пытокъ классическихъ гимназій? Предлагать казнить смертью человѣка за то, что у насъ нѣть достаточно гражданского мужества—это поступокъ, которому и имени не подберешь. Русские революціонеры ясно высказали, что къ смертной казни они прибегаютъ только для спасенія жизни и свободы своихъ собратій, для избавленія ихъ отъ чрезмѣрныхъ страданій, и когда требуетъ этого спасеніе части партіи. Впрочемъ, все это высказано было уже не одинъ разъ, и мы пользуемся даннымъ примѣромъ Толстымъ только для того, чтобы наглядно выставить разницу между дѣйствіями русской революціонной партіи и четырехкратнымъ покушеніемъ на жизнь европейскихъ монарховъ.

Совсѣмъ иной характеръ носятъ эти послѣднія покушенія.

Прежде всего очевидно, что попытки эти не были дѣломъ какой нибудь организованной партіи, а результатомъ личной инициативы самихъ покушавшихся. Ни относительно Геделя и Нобилинга, ни относительно Монкуси и Пассаменте не доказано никакихъ признаковъ принадлежности ихъ къ какому нибудь сообществу. Относительно Нобилинга, напримѣръ, несмотря на неоднократныя требования рейхстага, правительство упорно отказывается предъявить документы дѣйствія по поводу второго покушенія противъ германскаго императора.

Очевидно, что эти документы плохо подтверждаютъ

правительственную теорію объ участіи нѣмецкой соціальной демократіи въ попыткѣ Нобилинга.

Но и безъ этого очевидно для всякаго, что заявленіе Геделя и Нобилинга въ ряды нѣмецкой соціалистической партіи—такая наѣблѣяя натяжка, которой будуть удивляться всѣ, какъ только публика освободится отъ угнетающаго эффекта страшныхъ событий.

Гедель и Нобилингъ если и были соціалистами, то никакъ не соціаль-демократами. Первый—вѣчный бѣднякъ, рабочий-самоучка, эксцентричный и крайне оригинальный характеръ—былъ изгнанъ соціаль-демократами изъ своей партіи за непочтительное и критическое отношеніе къ ея вожакамъ. Да и въ соціально-демократическихъ кружкахъ вращался онъ безъ году недѣлю, ровно столько же, сколько и у Staatssocialist'овъ въ другихъ многочисленныхъ Урген'ахъ Германии.

Чѣмъ же доказывается нѣмецкое правительство, держащее въ тайне слѣдственные документы по дѣлу Нобилинга, связь послѣдняго съ соціаль-демократами? Тѣмъ, что онъ бывалъ нѣсколько разъ на публичныхъ собрaniяхъ нѣмецкихъ соціалистовъ и читалъ иногда «Urgen's». Но кому не известно, что эту газету читаютъ даже полицейскіе, а на публичныхъ собраниихъ соціалистовъ бываетъ всякий. Соціалистический образъ мыслей Нобилинга*) нисколько не доказываетъ принадлежности его къ нѣмецкой соціальной демократіи. Ёх-профессоръ Дюрингъ—тоже соціалистъ, по войаки соціальной демократіи считаютъ его своимъ злѣйшимъ врагомъ. Наконецъ, кто знакомъ (не по слухамъ и не по доносамъ буржуазныхъ газетъ) съ нѣмецкимъ рабочимъ движениемъ, тотъ согласится, что террористическая стремленія были не только чужды соціаль-демократіи, но возбуждали въ ней неодолимое отвращеніе: это былъ одинъ изъ пунктовъ постоянныхъ пререканій между нею и соціалистами-революціонерами. Стоитъ только припомнить, какъ позорила нѣмецкая соціаль-демократическая пресса берлинскихъ мучениковъ, съ какимъ злорадствомъ и ненавистью она бросала комья грязи на смертный одръ Нобилинга и на эшафотъ Геделя,—и для всякаго будетъ ясно, что никакой, не только дѣловой, но даже просто нравственной солидарности между ними быть не могло. Скажутъ: это политика, желаніе выгородить себѣ. Но всему есть границы. Нельзя же ради политики позорить свое дѣло, подрывать въ него вѣру и стараться очернить самихъ личностей, исполнителей велѣній партіи.

Мы совершенно свободно и со спокойной совѣстью выгораживаемъ нѣмецкую соціальную демократію изъ дѣла Геделя и Нобилинга. Мы думаемъ дѣже, что нашъ голосъ въ этомъ вопросѣ для безпристрастнаго читателя будетъ убѣдительнѣе всѣхъ торжественныхъ заявлений и криковъ буржуазныхъ газетъ. Насъ, русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, никто не можетъ заподозрить въ кумовствѣ и пристрастіи къ нѣмецкой соціаль-демократіи. Извѣстно всѣмъ, что наши взаимные отношенія нерѣдко были очень натянуты. Кто замѣкъ съ исторіей соціалистического движения за послѣд-

*) До сихъ поръ даже несть достаточныхъ оснований считать Нобилинга соціалистомъ; напротивъ, всѣ данные говорятъ за то, что онъ былъ демократъ-республиканецъ.

ніє се́мь лѣтъ, тотъ знаетъ, что большинство русскихъ революционеровъ-социалистовъ всегда заявляло свою со-лидарность съ антагонистами нѣмецкихъ социаль-демо-кратовъ, членами федералистического интернационала.

Наконецъ, мы не думаемъ, что, отнимая Геделя и Нобилинга у нѣмецкой социальной демократіи, мы этимъ оказываемъ ей услугу; мы знаемъ, что практической пользы для нѣмцевъ наше опроверженіе не можетъ принести. Мы настаиваемъ на этомъ только для того, чтобы указать существенную разницу между событиями, совершившимися въ пынѣшнемъ году въ нашемъ отечествѣ и за границей, потому что это памъ важно для послѣдующаго изложенія.

Самый характеръ покушений показываетъ, что они были предпринимаемы на страхѣ и отвѣтъ покушавшихся, ихъ личными средствами. Всѣ они предприняты были съ очень ограниченными средствами; мы никогда не видимъ слѣдовъ посторонней помощи, слѣдовъ участія хотя двухъ лицъ или даже пособничества. Имѣй, напримѣръ, Нобилингъ друзей и сообщниковъ, ему легко было бы обеспечить себѣ болѣе вѣрный успѣхъ дѣла, видоизмѣнивъ какъ-нибудь планъ. Сѣть остальныхъ троихъ и говорить нечего. Относительно Геделя самый фактъ покушенія подлежитъ сомнѣнію. Самъ Гедель до конца отрицалъ его, хотя для него самого было очевидно, что смерти онъ не избѣжитъ. Передъ нами, съ одной стороны, показанія темныхъ личностей, съ другой—признаніе безстрашного человека, умершаго такъ, какъ рѣдко умираютъ и герои. Кому же вѣрить?

Монкуси и Пассаменте устроили свои попытки такимъ образомъ, что они могли удастся только чудомъ. Послѣдній долженъ былъ продать послѣднюю куртку, чтобы купить орудіе покушенія. «Если-бы у меня были друзья и сообщники, они бы мнѣ дали денегъ, я бы тогда купилъ себѣ револьверъ»—съ наивностью ребенка и съ трогательной искренностью героя заявляетъ Пассаменте допрашивающимъ его и ругающимся надъ нимъ судьямъ.

Есть еще одно соображеніе, которое дѣлаетъ мысль о сообщникахъ крайне-невѣроятной.

И Монкуси, и Гедель, и Пассаменте, и Нобилингъ, поднимая руку на монарховъ, обрекали себя на вѣрную смерть. Ни одинъ изъ нихъ не пытался обезпечить себѣ отступленіе или возможность скрыться. Самые планы ихъ построены такимъ образомъ, что въ нихъ промѣнивается жизнь на жѣзнь.

Виданное ли дѣло, чтобы кто-нибудь, обрекая себя на смерть, сталъ разсказывать объ этомъ? Рѣшеніе подобной важности человѣкъ принимаетъ, совсѣмъясь только со своею совѣстью, и таитъ ею въ глубинѣ души. Монкуси не сказалъ объ этомъ, даже и женѣ своей, матери его ребенка, единственной опорѣ его въ труженической и скитальческой жизни. Нѣному человѣку не легко принять такое рѣшеніе, разъ принявши его, обѣ немъ не разсказываютъ.

Или, можетъ, существуетъ тайный революціонный трибуналъ, который посыпаетъ по свѣту свои ордера, вродѣ такихъ: Ей, Гедель, умри! Ей, Дѣковани, рѣжь Гумберта!

Но подобныя гипотезы могутъ возникать только въ головахъ политическихъ младенцевъ, начитавшихся романовъ Пуансонъ-дю-Террайля.

Ни соціальная демократія, ни Интернаціоналъ, ни какая-либо другая организованная политическая группа не можетъ приписывать себѣ этого-либо изъ цареубийцъ.

Откуда же они взялись, что они за люди?

Кромѣ организованныхъ группъ, представителей различныхъ стремленій, въ обществѣ существуетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ личностей, которые воспринимаютъ въ себя «идеи вѣка». Въ массахъ народа зарождаются смутно, почти инстинктивно извѣстныя требованія; несмотря на задавленное положеніе страда-го люда, въ шего, какъ бы путемъ дифузіи, проникаютъ передовыя идеи мыслителей; они формируются въ извѣстные лозунги, которые носятся въ воздухѣ. Случается нерѣдко, что прежде, чѣмъ народъ напишетъ эти лозунги на своемъ знамени, прежде чѣмъ онъ водрузить его во главѣ сомкнутыхъ рядовъ своего боевого расположения, онъ высыпаетъ отдѣльныхъ партизановъ, застрѣльщиковъ противъ непріятеля. Натуры чуткія, сильныя, воспріимчивыя раньше другихъ ощущаютъ жгучее дыханіе приближающагося урагана. Море спокойно, только свѣжій вѣтерокъ весело надуваетъ паруса; но надъ кораблемъ уже съ зловѣ-щимъ крикомъ носятся чайки-буревѣстники — и морякъ знаетъ, что будетъ буря, хотя еще и не чувствуетъ ея.

Всматриваясь въ лица четырехъ мучениковъ, мы въ нихъ видимъ дѣйствительно людей, какъ бы отмѣченыхъ печатью судьбы, предназначенныхъ быть передовыми пionерами грознаго будущаго. Нечеловѣческое безстрашіе, забвение своей личности, великая внутренняя сила, не ищащая ни опоры, ни совѣта въ другихъ, сознаніе своей провиденціальной миссіи— вотъ черты, которыми отмѣчены характеры Геделя, Нобилинга, Монкуси и Пассаменте.

Всѣ четверо—страстные искатели истины и люди, глубоко недовольные современными порядками. Гедель странствуетъ изъ одного общества въ другое, страстно борется за выполненіе ихъ программъ, но никогда не находитъ удовлетворенія. У Монкуси это «хожденіе по вѣрамъ», какъ говорятъ наши сектанты, началось еще со школьнай скамьи и закончилось чѣмъ то, напоминающимъ русское хожденіе въ народъ— трудовой жизнью рабочаго. Въ Монкуси, этомъ добровольномъ отщепенцу, яснѣе еще чѣмъ въ другихъ, сказывается общая всѣмъ мученикамъ и подвижникамъ потребность страдать страданіями человѣчества. Фанатикъ Пассаменте, старый заговорщикъ и революціонеръ, то страстно изучаетъ біографіи Орсіни, Кассія и Брута, то читаетъ религіозно-мистическія книги. Не одинъ разъ люди, исполненные любви къ человѣчеству, утомленные тяжелой работой надъ задачей освобожденія людей отъ цѣпей неправды, этой молитвой въ саду Геєсиманскомъ до кроваваго пота, падали въ изнеможеніи и искали успокоенія и отвѣта на роковой вопросъ въ мутномъ источнике религіозныхъ заблужденій. Несомнѣнно, что у Пассаменте бывали та-

кие моменты, и онъ не избѣжалъ въ этомъ случаѣ судьбы О. Конта, Шьера Леру и многихъ другихъ современныхъ намъ дѣятелей, именъ которыхъ мы не назовемъ. И онъ въ отчаяніи искалъ спасенія и свободы людей тамъ, где ковались только цѣпи да зажигались костры, на которыхъ горѣли подобные ему мученики за правду.

Всѣ трое прошли горькую школу бѣдности и имѣли возможность оцѣнить, во что обходится народу наша пресловутая цивилизациѣ и что достается изъ благъ ея на его долю.

Подобно тому, какъ Гедель, Пассаменте и Монкуси тщетно искали правды и успокоенія среди труждающихся и угнетенныхъ, Нобилингъ тщетно искалъ ее въ наукѣ и среди существующихъ политическихъ партій. Онъ также успѣлъ испробовать нѣсколько профессій: былъ и ученымъ, и чиновникомъ, и международнымъ политическимъ агитаторомъ. Извѣстно, что онъ въ Германіи и Англіи писалъ брошюры и агитировалъ на митингахъ противъ русско-германскаго союза въ восточномъ вопросѣ. Онъ тоже былъ искателемъ правды въ современномъ обществѣ. Строгій умъ его, дисциплинированный наукой, не далъ ему склониться въ мистицизмъ, какъ это бывало съ Пассаменте, но и онъ не нашелъ иного исхода, кроме берлинского покушенія.

Таковы въ блѣдныхъ чертахъ силуэты четырехъ героевъ. На что же указываетъ намъ ихъ появленіе? какой смыслъ кровавыхъ событий нынѣшняго года? Для отвѣта на этотъ вопросѣ, намъ надобно сдѣлать небольшое отступленіе.

90 лѣтъ тому назадъ французскій народъ хоронилъ общественный порядокъ королей «божіей милості» и десятиныхъ поборовъ, *juris primae noctis* и вѣры въ безсѣмянное зачатіе, вѣры въ Господа, распятаго за грѣхи міра, и въ непогрѣшимость папы, распинавшаго гугенотовъ. Осмѣянный Вольтеромъ, проклятый Руссо и подкопанный въ корень энциклопедистами, порядокъ этотъ былъ потрясенъ до основанія, и человѣчество вступило въ новый періодъ всемирной истории — періодъ революцій! Хотя революція 1789 года, провозгласившая ниспроверженіе идоловъ и права человѣка, не успѣла осуществить своей задачи, но сѣмя, брошенное ею, не пропало безслѣдно. Судь надъ Людовикомъ XVII и грозныя слова, раздавшіяся во время его съ «горы» конвента: «Людовикъ Капетъ повиненъ смерти уже за то, что онъ былъ королемъ!» — глубоко запали въ памяти народовъ.

Напрасно старый порядокъ пытался заявить снова свои права на господство! Тщетно онъ то взывалъ къ памяти Варѳоломеевской ночи, то пускался на компромиссы съ новымъ вѣяніемъ, искалъ новыхъ союзниковъ, пытался, вмѣсто культа царя-бѣга, создать культа золотого тельца, — желанный порядокъ и тишина до сихъ поръ еще остаются недостижимой мечтой правительства.

Движеніе пошло и въ глубь, и въ ширь; хартія правъ человѣка вдохновляла мыслителей и поэтовъ. Вдохновеніе и анализъ безпощадно добивали старую гидру; скромная хартія правъ человѣка разрослась въ

ученіе современного революціоннаго соціализма. Великія идеи свободы и равенства, высказанныя передовыми умами начала и средины XIX вѣка, стали стихійной силой,двигающей массами. Хартія свободы XIX вѣка — статуты Интернаціонала — служила символомъ вѣры обездоленнаго пролетаріата.

Короли «божью милості», короли новаго изѣблія — «божью милостію и волею народа», и консервативная республикъ безъ республиканцевъ — то заключали между собою союзы и заговоры противъ освобожденія народовъ, то одѣвали въ шутовскіе костюмы своихъ подданихъ и водили ихъ истреблять другъ друга во имя призраковъ прошлаго.

Многіе лъстили себя надеждою, что послѣ Садовой и Седана, послѣ Парижской кровавой бѣди и рѣзни на Балканскомъ пол., среди утомленныхъ народовъ возвращится гробовая тишина и давно желанный порядокъ.

Но вотъ на разныхъ концахъ Европы появляются изъ нѣдръ народа грозные образы предтечъ грядущей міровой бури.

Наканунѣ еще неизвѣстные никому, эти четыре гиганта начертали «Мани, Факель, Фаресь» современнымъ идоламъ.

Появленіе ихъ показываетъ, что идеи революціи сдѣлались уже достояніемъ массъ.

Чувство человѣческаго достоинства современного человѣка не можетъ не возмущаться при видѣ тѣхъ божескихъ почестей, которыя воздаются живому истукану — царю.

Въ отдельныхъ личностяхъ подобное поклоненіе тварямъ возбуждаетъ такое же чувство омерзенія, которое испытывалъ христіанскій апостолъ при зрѣлищѣ чествованія идовъ. Борецъ за освобожденіе человѣчества, подобно древнему апостолу, налагаетъ свою руку на идоловъ, не взирая на то, что дикая толпа готова растерзать его за это.

Христіанскій апостолъ безразлично сожигалъ и разбивалъ, какъ истукановъ Перуна и Молоха, такъ и изящныя статуи древнихъ греческихъ боговъ.

Современные намъ герои выступаютъ и противъ обрызганнаго кровью 1848 года императора Вильгельма, и противъ несовершеннолѣтняго Альфонса, и противъ либерального члена либеральной савойской династіи — Гумберта.

Здѣсь нападенія дѣлались не на личность того или другого короля, а на монархизмъ, или, правильнѣе, объявлялась война политическимъ идоламъ.

Впечатлѣніе, произведенное этими покушеніями на революціонную Европу, основаніе въ Ливорно союза студентовъ имѣли Карла Нобилинга — показываютъ намъ, что ненависть къ старымъ идоламъ и авторитетамъ не только не замолкла, но принимаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ.

Это доказываетъ намъ, что вмѣсть съ ниспроверженіемъ золотого тельца — идола современности, грядущая революція не оставитъ въ покой и другихъ истукановъ.

Но прозвѣстники новой борьбы противъ тираповъ — вмѣсть съ тѣмъ и жертвы древнему Молоху.

Мыпреживаемъ тяжелую эпоху: жизнь поставлена

такія требования, которые не укладываются въ архаическія рамки государства. Главная потребность современного человѣка, потребность въ разумной правдѣ и справедливости, не находитъ въ немъ удовлетворенія.

Героїскія натуры находятъ одинъ исходъ для себя изъ невыносимыхъ условій современности: отреченіе отъ своей личности, самопожертвованіе.

П современный экономический строй, и государственный порядокъ, и старые идолы религіи и монархизма не даютъ хода живымъ человѣческимъ стремленіямъ; они, какъ путы и кандалы, сковываютъ современного человѣка, дышать становится трудно, воздухъ спертъ и удушливъ, какъ передъ грозой.

Откуда придетъ эта гроза, гдѣ раздадутся первые раскаты грома, мы не знаемъ,— знаемъ только, что она придетъ.

Про героеvъ монархическихъ покушений можно сказать то же, что одинъ историкъ реформаціи сказалъ про умирающаго Гусса: они стоять какъ бы на рубежѣ двухъ эпохъ: лица ихъ освѣщены и зловѣщимъ пламенемъ ауто-да-фе, и кроткимъ свѣтомъ зари восходящаго солнца новой эпохи.

Изъ этихъ высокихъ сферъ, гдѣ куётся будущее, гдѣ отдаютъ себя на закланіе старымъ богамъ борцы за это новое лучшее будущее, спустимся на минуту въ область дѣятельности великихъ людей на малая дѣла и посмотримъ, какъ отнеслись европейскія правительства къ грознымъ предвѣстникамъ будущихъ событий.

Короли скрылись на Капрею, подобно Тиверію, и пустили въ ходъ противъ живыхъ стремлений современности свое старое, изѣбденное ржавчиной оружіе—реакцію.

Нѣмецкое правительство, не имѣя возможности доказать участія соціалистовъ въ попыткахъ Геделя и Нобилинга, тѣмъ не менѣе обрушило на нихъ всю силу гоненія.

Новый законъ противъ соціаль-демократовъ, запрещеніе всей соціалистической прессы, административные высылки и, наконецъ, «малое осадное положеніе»—вотъ чѣмъ стремится обеспечить свою жизнь императоръ Вильгельмъ, сознающійся, однакоже, что проптъ испытанихъ имъ несчастій никакія предосторожности помочь не могутъ.

Примѣру пѣмцевъ не замедлили послѣдовать Испанія и Италия. Это и понятно. Правительства и опора современного строя—буржуазія, давно искали хорошенькаго предлога сдѣлать вылазку противъ соціалистовъ.

Сотни обвиняемыхъ за оскорблѣніе величества въ Германіи могли бы указать императору, что несмотря на крики «хосф!», которыми встрѣчаетъ его толпа, ненависть къ нему въ народѣ насчитываетъ многихъ представителей и вѣрь рядовъ соціальной демократіи.

Но правительство знаетъ, что самый непримириимый врагъ его—соціализмъ. Его нельзя закупить никакими подачками, какъ другія партіи. Онъ будетъ вести борьбу, пока будетъ существовать современный строй.

Это самая крайняя партія, не скрывающая ни отъ

себя, ни отъ враговъ, что ей рано ли, поздно ли придется на смерть сразиться съ защитниками государства, религіи и собственности. Поэтому, цари и буржуазія всякий ударъ, направленный противъ нихъ, приписываютъ соціалистамъ и противъ нихъ направляютъ всю силу реакціи.

Насколько цѣлесообразны мѣры стѣсненія противъ соціалистовъ, тому живой примѣръ мы, русскіе революціонеры.

Наша партія возникла и развивалась при условіяхъ, гораздо болѣе тяжкихъ, нежели теперешнее положеніе соціалистовъ въ Германіи. Мѣры берлинскаго осадного положенія для насъ бы были бы верхомъ правительеннаго либерализма, и, несмотря на это, мы существуемъ и надѣемся не безъ успѣха продолжать нашу работу.

Мы даже думаемъ, что реакція окажетъ услугу нѣмецкимъ соціалистамъ, заставитъ ихъ тѣснѣе сокнуть свои ряды, избавитъ отъ иллюзій и тѣхъ ложныхъ друзей, которые прячутся въ норку при первой опасности.

Становитесь въ боевую позицію, товарищи, скажемъ мы имъ, реакція—лучшая школа для революціонера!

Одновременно съ извѣстіями о реакціонныхъ мѣрахъ противъ соціалистовъ, газеты разносятъ слухи о проектахъ международного преслѣдованія революціонной агитации.

Дружескія услуги князя Бисмарка, оказанныя имъ русскому правительству послѣ 4 Авг., арестованіе и выдача Россіи нѣсколькихъ ея подданныхъ, проживавшихъ въ Берлинѣ и заподозрѣнныхъ въ соціализмѣ, а также лишеніе правъ академического гражданства 30 русскихъ студентовъ въ Дейштѣ—все это доказываетъ, что шпіонскій интернационалъ по немному организуется.

Въ виду такихъ событий, намъ остается предложить нашимъ западнымъ товарищамъ организацию международного союза для борѣбы съ полиціей и ея агентами.

Оставляя въ сторонѣ разницу нашихъ теоретическихъ и практическихъ программъ, мы формально отъ имени русской соціально-революціонной партіи предлагаемъ соединиться для частной цѣли—борьбы съ общимъ врагомъ, реакціей.

Союзъ этотъ, конечно, долженъ быть тайнымъ.

Цѣли его: скрытіе следовъ агитаций и преслѣдуемыхъ лицъ, взаимная помощь въ дѣлѣ борьбы съ правительствомъ и борьба общими силами и общими средствами противъ наиболѣе вредныхъ и наиболѣе наглыхъ агентовъ реакціи.

Мы не сомнѣваемся въ успѣхѣ нашего предложе-
ния, и пусть онъ будетъ отвѣтомъ на терроръ реакціи!

Есть рѣчи — знаеніе темно или иначе, Но имъ безъ волненья винить невозможно.

Императоры заговорили!

Послѣ долгаго молчанія нашъ баринъ наконецъ разразился рѣчью въ Москвѣ. Опальная Москва наконецъ дождалась къ себѣ въ гости царя, и царь не только снова бѣлъ московскую хлѣбъ-солъ, но и рѣшился произнести нѣсколько безвязныхъ фразъ.

Рѣчь, разумѣется, была передана всѣми газетами и

нривела ихъ въ несказанное умиление. Въ ней узрѣли намеки на таکія обѣщанія, которыя и въ голову це приходили нашему монарху.

Намъ кажется, что вѣрнѣе всѣхъ опредѣлилъ значеніе этой рѣчи «Голосъ», сравнивая ее со звономъ. О чемъ же звонить императоръ, что вѣщаетъ онъ намъ? «Великую скорбь» или «великій праздникъ»? Должно быть праздникъ, потому что великая скорбь была возвѣщена два года тому назадъ. Царскіе праздники бываютъ разные: сопѣтъ себѣ императоръ мѣндирий—подданные празднуютъ, прибавится къ царской семье новый младенецъ, поглощающій около сотни тысячъ въ первый годъ своего младенческаго существованія—опять праздникъ, усмирятънигилиста—тоже праздникъ.

Какой-же изъ такихъ праздниковъ обѣщаетъ царь въ своей рѣчи?

Замиреніе съ туркомъ? — Нѣтъ. Послѣ Санть-Стеванскихъ и Берлинскихъ договоровъ царь нась все еще кормитъ завтраками на счетъ замиренія. Да и миръ-то не такой, чтобы ему можно было радоваться.

Праздновать мы будемъ, оказывается, вступленіе Россіи на новый путь; путь этотъ оказывается тѣмъ же самимъ, которымъ мы идемъ все время или, вѣрнѣе, на которомъ мы толчемся столько лѣтъ.

Обѣщалъ еще царь съ помощью общества обратить на путь истины «заблуждающуюся» молодежь.

Послѣднее обѣщаніе не приводитъ нась въ умиление: мы видѣли какъ мягко и гуманно обращаютъ эту молодежь на путь истинный! Для нея создали и исключительные суды, и центральныя тюрмы, за преслѣдованія ея награждаютъ генералами отъ кавалеріи, а въ послѣднее время за излишнюю вѣру въ гуманность наследника престола, эту молодежь стегали казацкими нагайками.

Если царская рѣчь и возбуждаетъ вниманіе, то своей крайней безсодержательностью и той наивной безцеремонностью, съ которой онъ открыто на словахъ заявляетъ совершенно противоположное тому, что происходитъ на дѣлѣ.

Новый путь, на который мы вступаемъ и о которомъ царь не говоритъ ни пол слова,—это банкротство, съ одной стороны, и царство урядниковъ—съ другой.

Если эта перспектива такъ заманчива, то, пожалуй, будемъ устраивать праздникъ по поводу нея.

Впрочемъ москвики, передъ которыми царь говорилъ свою рѣчу, больше всего обратили вниманіе на то мѣсто ея, гдѣ онъ говоритъ о своей смерти, и прервали скорбное заявленіе императора крикомъ «ура!» (вѣрноподданническая радость по случаю переселенія повелителя въ лоно Авраамово).

Дяденька нашего царя, Василий Федоровичъ, императоръ германскій говоритъ гораздо опредѣленнѣе. Онъ благодаритъ Берлинцевъ за то, что они уѣшли отъ него, старика, въ горести и согнули въ бараний рогъ ненавистныхъ ему соціаль-демократовъ. Старикъ чисто по-дѣтски, искренно радуется и благодаритъ своихъ вѣрноподданныхъ за урѣзку политической свободы; онъ прямо утверждаетъ, что очень радъ быль-

пострадать для общаго блага, т. е. для усиленія власти полиціи и введенія осаднаго положенія.

Слова германскаго императора доказываютъ намъ еще разъ, что всякий монархъ въ душѣ авторitarian и на признаніе свободы подданныхъ соглашается только, какъ на необходимость.

Рѣчь нѣмецкаго императора полна курьезовъ.

Онъ заявляетъ, напримѣръ, что два выстрѣла заставили его задуматься надъ своими дѣйствіями, отдать себѣ отчетъ, такъ ли онъ поступалъ въ своей жизни, какъ требовали совѣсть и общественное благо?

Боги небесные! Что за чудовищное признаніе!

Надо, значитъ, приставить дуло револьвера къ груди царя, чтобы онъ подумалъ о той страшной ответственности, которая лежитъ на немъ, какъ на распорядителѣ судебъ народовъ, чтобы онъ усумнился въ своей непогрѣшимости.

Василий Федоровичъ недаромъ дружитъ съ русскимъ царемъ и, говорятъ, симпатизируетъ русскому народу. — Добрая половина его рѣчи, которую онъ просить слушателей распространять во всѣхъ кружкахъ (авторское сомолюбие и ему не чуждо), представляется собою варваріи на русскую пословицу: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится».

Узнаемъ мы изъ рѣчи же императора, что соціаль-демократы въ покушеніяхъ на его жизнь не при чемъ—всему виной «воля провидѣнія».

Не убили—воля провидѣнія, убили бы—тоже воля провидѣнія.

Нельзя ли, ваше величество, засадить эту волю провидѣнія въ Шпандау, чтобы не мучила народъ?

«Голосъ» снова накинулъся на русскія безцензурные изданія, цѣль которыхъ, по его мнѣнію, «безпокоить» безмятежное идеическое настроеніе общества. Лепетавшій когда-то, заурядъ съ другими газетами, о свободѣ прессы «Голосъ» не находитъ достаточно креативныхъ словъ людямъ, сдѣлавшимъ первую попытку говорить свободно. А беспокойства нашъ листокъ очевидно приносить легальному органу немало: тому порукой — его судорожная, первая брань противъ нась. Онъ не возражаетъ, не опровергаетъ, а только ругается,—ругается насколько хватаетъ силъ и въ то же время утверждаетъ, что на него нацидыются «съ пѣной у рта». Къ ругательствамъ «Голоса» мы давно уже привыкли, къ доносамъ тоже. Сотрудники этой милой газеты устраиваютъ доносы не только въ печати, но и съ бокалами въ рукахъ, въ дружеской бесѣдѣ сотоварищѣ. Все это не заставило-бы нась пожертвовать нѣсколькими строками на отвѣтъ нашему оппоненту; но органъ Краевскаго, Бильбасова и К° пускаетъ въ ходъ новый приемъ борьбы, который мы считаемъ нужнымъ разоблачить передъ публикой. Считая вѣроятно, что бороться противъ «Земли и Воли» обыкновенными литературными приемами не совсѣмъ удобно, «Голосъ» надѣлалъ фальшивыхъ цитатъ яко-бы изъ нашей газеты и разражается по поводу нихъ бранными филиппиками. Читатели нашей газеты могутъ убѣдиться

сами, а для остальной публики мы считаемъ нужнымъ заявить, что всѣ предложения въ ковычкахъ и перифразы, выдаваемыя «Голосомъ» за заимствованія изъ «Земли и Воли», — произведенія фантазіи органа Краевскаго.

До сихъ поръ у насъ поддѣливались только цѣнныя бумаги и документы. Краевскій съ компаніей, вѣроятно прельстившись этимъ занятіемъ, принялъся фальсифицировать литературные произведения. Не знаемъ, даетъ ли это занятіе такія же выгоды, какъ и поддѣлка векселей, но оно вполнѣ безопасно, — вѣдь мы не имѣемъ возможности привлечь къ суду г. Краевскаго за литературный подлогъ.

Возражать такимъ противникамъ, вести съ ними полемику — мы считаемъ унизительнымъ для себя, тѣмъ болѣе, что «Голосъ» въ клеветническому пасѣ доходитъ просто до самозабвенія. Такъ напримѣръ, въ статьѣ его есть очень темный намекъ на какихъ-то революціонеровъ, проповѣдующихъ по своему катехизису «союзъ съ ворами и разбойниками».

Союзъ этотъ, какъ извѣстно, давно уже заключенъ и практикуется, только не тѣми, кого у насъ принято называть русскими революціонерами:

Краевскій, должно быть, тонко и темно замекаетъ на другихъ лицъ, безсознательно подрывающихъ основы семьи и собственности широкимъ пользованіемъ общественными достояніями и чужимъ карманомъ. На это точно также указываетъ и сближеніе, дѣлаемое передовицей «Голоса» между политическими и скандальными процессами.

Однако, какъ ни тонко сдѣлано подобное сближеніе между революціонерами и союзниками «воровъ и разбойниковъ», мы не совѣтовали бы вамъ, г. Краевскій, играть съ огнемъ.

Вы, конечно, не хуже нашего знаете, и вся Россія это знаетъ, кто состоитъ въ союзѣ съ Юханцевымъ, Грегеромъ, Горвицемъ, Коганомъ и строителями мониторовъ, нетрогающими съ мѣста.

Какъ же это вы лѣаете изъ кожи, чтобы втереться въ переднюю къ этимъ людямъ въ качествѣ лгунъ и ложного доносчика, и въ то же время дѣлаете сближеніе между ними и революціонерами?

НА СМЕРТЬ И. М. НОВАЛЬСКАГО.

Снова бой неравный съ дикой силой...
Жертвой палъ еще одинъ герой.
Надъ его безвременной могилой
На врага сомнѣлся-ль грозный строй?

* * *
Всѣль пойдемъ подъ знамя правой мести?
Иль на камень брошено зерно?..
Нѣть! На нивѣ вольности и чести
Плодъ желанный принесетъ оно.

* * *
Жалкий страхъ не породить измѣну,
Пусть борьба неравна и трудна:
Ужъ намъ идутъ бойцы на смѣну—
И побѣда наша решена!

ФЕЛЬБЕТОНЪ.

ПИСЬМО ЧИСТОСЕРДЧАГО РОССІЯНИНА

II.

Часто случается слышать жалобы русскихъ обывателей на грубость городовыхъ. Эти жалобы — не произведение нового времени, когда изданы специальные законы для охраны священной особы города-гостя. Теперь городовой грубъ и наглъ сугубо, потому что начальство въ этой грубости и наглости видитъ лучшій оplotъ противъ разрушительныхъ элементовъ. Но городовой былъ грубъ всегда, да же и тогда, когда ему и отъ начальства рекомендовалось не хватать безъ разбору обывателей за шиворотъ. Сколько было дѣлъ у мировыхъ изъ-за оскорблений, нанесенныхъ полиціей обывателямъ! Сколько разъ газеты съ благородными негодованіемъ требовали, чтобы начальство внушило городовымъ уваженіе къ публике! Начальство подчасъ и винило, но толку все-таки выходило мало. Хватанье за шиворотъ и побои продолжали практиковаться, а публика продолжала роптать на городовыхъ и на начальство, которое недостаточно строго карало самоуправство своихъ агентовъ.

Какъ всегда и вѣдѣ, у насъ цинично было одно начальство, дающее поблажку внутреннимъ туркамъ; своей же вины мы и не замѣтили, не думали о томъ, что городовой не можетъ быть вѣжливъ уже въ силу своей обязанности, въ силу отношеній, установленныхъ между нимъ и большинствомъ публики на основаніи обычая.

Ежедневно городовой сталкивается съ сотнями лицъ съ各式ъ армянъ, чукчами, паголыныхъ полушибахъ, покрикивающими на нихъ, давать имъ подзатыльники, лупить ихъ тѣсакомъ. Жизнь русское государственное устройство пріучили сбрасывать не считай призыва подзатыльники и не горятъ за тычкомъ. Отъ постороннихъ окриковъ и ругательствъ, голоса стражи, благогодной приобрѣтаетъ мало-по-малу грубый, рычащий, звѣроподобный характеръ. Привычка раздавать пончики, хватать, тащить, не пущать и размахивать руками обращается отъ долговременной практики въ простой рефлексъ. Встрѣчаясь съ человѣкомъ, не привыкшимъ къ поズубастикамъ, привыгированымъ, стражъ порядка, опора отечества не измѣняетъ для такого экстремиста, сравнительно рѣдкаго казуса своихъ обычныхъ способовъ усмирения. Онъ такъ привыкъ къ безнаказаннымъ поズубастикамъ и заушнѣямъ, что считаетъ ихъ незбѣжными аттракутами своей консерваторской миссіи, своимъ правомъ, главной опорой порядка. Теперь же мы дожили до того, что и само начальство признало наилучшимъ средствомъ охраны престола, и кто не хочетъ мириться съ насилиемъ, тому тоже нѣтъ другаго средства обороны, кроме кулака.

Вспомнимъ статью Добролюбова о помѣщичьей семье и взаимныхъ отношеніяхъ ея членовъ. Родительская любовь искоско не мѣшила главѣ семейства пускать въ ходъ жестокую кулачную расправу относительно своихъ чадъ. Покойный Николай Александровичъ совершилъ вѣрно видѣть въ этомъ результатъ привычки ломать челюсти крѣпостныхъ и пороть ихъ на конопицѣ. Городовой же не пытается родительскихъ чувствъ къ разночинцамъ. Нечего, стало быть, и дивиться тому, что опь, вопреки закону обѣ огражденіи личности, въ сплю, такъ сказать, обычнаго безправія, даетъ имъ по загорбку, таскаетъ за шиворотъ и т. д.

Если мы согласимся со сказаннымъ, то, очевидно, городовому маѣт запретить дѣлаться, его придется отучить отъ мордобитій. Повторяемость дѣйствій — вотъ элементъ для образованія привычки. Чѣмъ рѣже будетъ представляться случай пускать безнаказанно въ ходъ крѣпкія слова и кулаки, тѣмъ скорѣе отвыкнетъ городовой отъ обычай оскорблять публику. Если лобая сѣрѣй чуйка или полушибокъ будетъ такъ же смыло и сервено отставать свою личность, какъ и самый храбрый изъ разночинцевъ, если побѣдѣ пѣзана будетъ считаться оскорблениемъ одного изъ равноправныхъ членовъ общества, а не исполнениемъ обязанностей охранителя тишины и порядка, — то и самый наглый городовой присмирѣтъ. Не нужно будетъ никакихъ внушений со стороны начальства, когда всякий болванъ пойметъ, что человѣческое достоинство нельзя оскорблять безнаказанно. Если не всякий Треповъ или Курнишъ пойметъ, что-такое человѣческое достоинство, — то каждый изъ нихъ будетъ знать, что извѣстныхъ дѣйствій общество не допускаетъ и не терпитъ. Имя Трепова попалось на перо очень кстати. Непрѣбѣжно связанное съ нимъ воспоминаніе о позорномъ истязаніи въ тюрьмѣ даетъ намъ возможность привести аргументъ изъ жизніи насчетъ недостаточности письменныхъ, законныхъ гарантій личности. Треповъ истязалъ Боголюбова, на что по закону не имѣлъ права. Можно ли представить себѣ что-либо болѣе возмутительное? Надобно было ожидать, что презрѣніе общества и кара закона обрушатся всюю тяжестью на виновника позорного обращенія съ узникомъ. Но на дѣлѣ ничего подобного не было. Вся Россія, вся Европа теперь уже знаетъ, какою цѣною и какими средствами отстояло русское интеллигентное меньшинство свое право не быть сѣченнымъ!

Читатель—петербуржец! Припомн свой ощущение во время достоиннейших событий февраля и марта 1917 года. Ты конечно трепетал за судьбу лучшей из русских женщин искренно радовался ее оправданию, радовался избавлению ее от преследованной полиции,—все это такъ, но не программируется ли у тебя, какъ и у интуициональныхъ этихъ строк, еще другого, очень тяжелого чувства? Не приходило ли тебе въ голову такихъ соображений: сколько геройства, какой рискъ, какое безграничное самоожертвование, сколько глубокаго, потрясающаго трагизма въ этомъ эпизодѣ новейшей русской истории! Чемъ же они вызваны, ради чего такая страшная трага силъ? Ради избавления отъ наименее опасныхъ? спасения отъ моровой язвы? Нѣтъ! Просто, чтобы показать нашемъ охранителямъ порядка и спокойствия, что сбаченіе—вещь возмутительная, невыносимая для развитаго человѣка.

И этотъ примѣръ беспардоннаго кахчечія русского человѣка самодурами — далеко не единственный!

Григорьевъ издастъ падъ твоимъ словомъ, русское общество, кастрируетъ твою мысль; исконную попытку высказать то, что ты думаешьъ, запретитель книгу считаетъ личнымъ оскорблениемъ для себя! Примѣръ „Голоса“ доказываетъ, что никакое раболѣпство не снастаетъ отъ обезумѣвшаго душегуба мысли.

Толстой уродуетъ твоихъ дѣтей! Не мало родителей оплачиваютъ бывшему смерть своихъ дѣтей, наложившихъ на себя руки, благодаря милому режиму нашихъ школъ.

Дано тебѣ земство, а поющія власть душитъ всякую земскую самостоятельность! Мысль завести въ столице печатный органъ, защищающий интересы земства — считается государственнымъ преступлениемъ.

Пляхъ на то, какъ нагло издастъ падъ русскимъ человѣчкомъ шапка грабителей и правителей, можно, пожалуй, подумать: Вотъ сѣмьи негодяи! Вотъ ужъ записные героя безстыдства! И бога не боится, и людей не стыдится. Хоть они и разбойники, а должно быть люди железнаго характера и воли.

Ничуть не бывало! Ты самъ, конечно, знаешь, читатель, что мозгъ, трусливъ, безхарактернѣе нашего правительства трудно подыскать. Отчего же оно такъ смѣло и решительно душитъ тебя? Душить, и при этомъ нагло попираетъ какъ писанные законы, такъ и неописанные естественные права гражданина и человѣка?

Все по той же самой причинѣ, по которой и городской не церемонится съ разночинцемъ на улицѣ. Городовые вовсе не забѣгаки, иродѣ бреторы изъ гусаръ бы资料 времени, старавшихся отдавать мозоли прохожимъ, чтобы имѣть поводъ подрасти на дуэли.

Мудрено правительству наше упомянуть членомъ личности, когда по его приказу ежегодно перенарываются за исключеньемъ всѣхъ конѣкъ сотни тысячъ крестильщиковъ, когда ставятъ должника на правежъ — укоренившийся обычай нашего правительства!

Мудрено ему уважать свободную мысль, когда миллионы его подданныхъ вовсе не заинтересованы въ ее существовании, когда эта свободная мысль выстаетъ только въ головахъ очень и очень не многихъ людей, которыхъ соглашаются въ Сибирь — гораздо меньше хлюпотъ, нежели выбирать подати въ одной губерніи!

Запретите какойнибудь популярный журналъ — десять десятыхъ населения Россіи и не замѣтятъ этого.

Хѣбъ съ бересточкой вѣдовъ хватило бы,

Гдѣ ужъ намъ книжки читать!

Скажутъ по поводу такого события эти девять десятыхъ земли русской.

Твоё безправіе, читатель, — прямой результатъ безправія мужнинаго. Четыре пятыхъ русского населения — люди, подлежащіе порѣзѣ, лишенніе всякихъ способовъ самозащиты противъ насилий первой форменной фурражки.

Ты, одна пятая часть русского народа, изъята отъ тѣснаго наказанія, подымающаяся и судомъ, и печатью, и плодами цивилизации, и реформами; но на какихъ основаніяхъ? На основанії привилій, которую у тебя завтра же могутъ отнять, не нарушая насколько общей гармоніи течений государственной жизни.

Выѣздъ отсюда ясенъ.

Если мы желаемъ обеспечить себѣ личную неприсклонность, право свободно выражать и пропагандировать свою мысль, — необходимо, чтобы во всѣхъ этихъ правахъ и привиліяхъ было заинтересовано самъ народъ. Необходимо, чтобы защита личныхъ правъ была не странной аномалией, а повседневнымъ явленіемъ. Необходимо, чтобы Вавилы Петровы, Кондраты Васильевы и Петра Захаровы пожелали свободно выражать свою мысль, обсуждать и решать политические вопросы.

„Вы говорите о необходимости народного просвѣщенія, — я съ вами согласенъ!“ — радостно прерываетъ меня благодушнѣйший и умѣреній читатель.

Къ сожалѣнію, я долженъ тотчасъ же вывести его изъ пріятнаго обзначенія. Не о Солнце Городѣ, не о „Сельской Вѣсѣ“, не о комитетѣ грамотности, не объ умственномъ развитіи и наслажденіи

высокихъ наукъ среди пѣдающаго пушной хлѣбъ крестьянства говоримъ мы теперь.

Пусть займутся этимъ люди глубокой практики, искусившіе въ различныхъ комитетахъ и полиграфическихъ участкахъ.

И же говорю: — если вы желаете провести какоенибудь измѣненіе въ памъ общественную жизнь, простили полно и последовательно, — вы должны заинтересовать путь сельскому населенію. Этотъ классъ настолько многочисленъ у насъ, что безъ его участія никакая политическая агитация на Руси не возможна.

На Западѣ, впрочемъ, политическая реформа проводилась въ жизнь главнымъ образомъ городскимъ населеніемъ, мелкой буржуазіей, на чьей которой стояла цѣль этого состоянія — привилегированія, свободомыслия пигмелигеніи и группой капитала.

Не подождѣли и намъ съ нашими проектами конституціи до тѣхъ поръ, пока у насъ поразохватъ промышленность, увеличился въ достаточномъ мѣрѣ количествомъ богатыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣтихъ людей, — и тогда ужъ, какъ по ипотамъ, по западно-европейскимъ образцамъ разыграть конституціонный водевиль?

Разумѣется, всякое решеніе вопроса, дающее возможность „погодить“, посмотрѣть, выждать, очень пріятно русскому сердцу, но, несмотря на всю свою соблазнительность, такой оборотъ дѣла оченьрудобенъ.

Ненависть и недовѣріе къ деспотизму самодержавія ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Самодержавіе знаетъ это и всю надежду свою налагаетъ на усиленіе штата пиноповъ, на революціи городовыхъ и начальниковъ урядниковъ. Годы и поджидая у моря погоды, мы, наконецъ, очутимся въ тѣхъ безыходныхъ положеніяхъ, что будемъ готовы броситься съ отчаяніемъ головой въ омутъ, не понимая самыи хорошенько, что мы дѣляемъ.

Война послужила хорошимъ средствомъ для отвлечения вниманія населения отъ внутреннихъ дѣлъ: но за то послѣ войны пароксизмъ недовѣрства значительно усилился (и было отъ чего!). Это мы все чуствуемъ. Чуствуемъ это и правительство!

Передъ крестьянской реформой баронъ Гакстгаузенъ писалъ письмо, чтобы онъ поторопился произвести реформу съ верху, иначе она пропойдетъ сама собою сънизу. Мы же въ интересахъ свободы скажемъ: поторопимся взяться за политическую реформу сънизу, чтобы она не была замѣнена негодными суррогатомъ, даннымъ съ верху.

Да и расчетъ на поддержку буржуазіи не совсѣмъ вѣренъ самъ по себѣ. Теперь уже не то время стало. Денежный трудъ и съводъ пажинъ — зачѣтныя мечты буржуазіи — осуществляются теперь, благодаря бога, и безъ политическихъ реформъ! Горвицамъ, Поляковымъ и Коганамъ парламентъ не нуженъ для обсужденія своихъ дѣлъ исконнѣ. Парламентъ все такъ требуетъ извѣстной гласности и отчетности въ различныхъ сдѣлкахъ между правительствомъ и частными лицами. Въ самодержавной земли мешанинъ гораздо удобнѣе. Душа нашихъ акціонерно-мануфактурныхъ предпрѣятій не имѣетъ надобности и не будетъ имѣвать себѣ эталонъ, и никонъ Лизансій не будетъ, подобно Сантерру, плясать караулкою въмѣстѣ съ петербургскими санкюлотами. Газъ на своеиѣ икыи капитализмъ проѣзжалъ эту комедію — и больше не будетъ. Наші будущіе рабочники получатъ по наследству все, что завоевано было имъ предками на Западѣ.

Капитализмъ забрахся къ наль уже въ ту пору своего развитія, когда онъ отрѣшился отъ различныхъ национальныхъ и позитивныхъ предразсудковъ. На любую страну міра, въ томъ числѣ и на Россію, капиталистъ смотритъ, какъ на рынокъ труда или сбита товаровъ. Даєтъ ему страна доходъ — и довольно. Самъ же капитализмъ можетъ жить и натурализироваться въ любомъ государствѣ. У него есть вилы въ одномъ изъ очаровательнѣихъ уголковъ міра. Онь гражданъ всѣхъ баржъ Европы. Поданные Александра русскаго, Гамила турецкаго и Викторіи индійской безразлично его работники. Таковъ современный европейскій чистогородній буржуа. Пока у насъ разошлась западская крупная промышленность, тѣль это усовершенствуется еще болѣе. Нельзя ожидать, чтобы предприниматель, торгуящеи и въ Афганістанѣ, и въ Норвегіи, и въ Дагомейскомъ королевствѣ, захотѣлъ тратить время и деньги на политическую борьбу: во всѣхъ этихъ странахъ, ии въ одной изъ которыхъ онъ,ѣроятно, жить не будетъ.

Если теперь главной опорой отечества у насъ, по справедливости, считается человѣкъ, крышка къ землѣ, то относительно будущаго это имѣетъ еще болѣе значеніе. Англія справедливо считается самой типичной страной буржуазнаго хозяйствства, и про мифы изъ ея сыновъ справедливо говорить, что имъ интересы Турции дороже своихъ отечественныхъ. И въ Испаніи сказано: гдѣ сокровище наль — тамъ и сердце ване.

Нѣтъ! Если мы не желаемъ сидѣть у моря и ждать погоды да ходить по ворожеямъ гадать на бобахъ и на гущѣ, — мы должны признать, что единственная опора всякой солидной политической агитации на Руси — крестьянское земледѣльческое населеніе. Однѣи публицисты довольно ютко называли Россію государствомъ мужиковъ.

Можно сказать смысю: у насъ — что мужикъ захочетъ, то и

будеть. Надобно только, чтобы онъ крѣпко и сильно захотѣлъ. Требование, опирающеся на крестьянскую массу, будетъ исполнено безпрекословно. Но какъ подойти къ крестьянину съ вопросомъ о политической реформѣ? Голодному, избитому, питающемуся корой Сысойки, отдающему себя и дѣтей своихъ на катогру за каравай хлѣба, — мы будемъ болтать о народномъ представительствѣ, о свободѣ прессы, ассоціації и т. д. Онъ павѣрное отвѣтить на все это: «А ты мнѣ, поштенный, дай-ка хлѣбушка!»

Разумѣется, ему можно отвѣтить: «ты, Сысояшка, только похлопчи за настъ, подставляй и лобь, и спину, а ужъ когда дастъ намъ царь вольную, мы тебя не забудемъ!» На Западѣ не одинъ разъ подѣжали къ нему съ подобными рѣчами. Викторъ Гюго, въ своей послѣдней книжѣ „Исторія одного преступленія“, очень обстоятельно раскрываетъ, какъ республиканцы, задушивши іоанскіе возстаніе рабочихъ, въ декабрѣ звали ихъ умирать за ту же республику и совѣтовали при этомъ идти умирать одѣвшись по-приличнѣе, въ скруткахъ, а не въ затрапезныхъ блузахъ, чтобы не разсердить буржуа.

Но будетъ ли изъ этого толкъ, поддастся ли Сысойка на такую угодочку? Вѣрѣе всего, что мы, съ нашей машинаціей, провалимся еще хуже, нежели эпигоны второй республики. Сысойка—человѣкъ по преимуществу практической и голодной къ тому же. На всѣ ваши уѣзжанія, онъ будетъ волить въ отвѣтъ: «хлѣба! хлѣба! хлѣба!» Поднять его на такую штуку будетъ трудно. Кромѣ того, если къ Сысойкѣ начнѣтъ подлизатъ съ такими предложеніями, — противная партия дремать не будетъ. Теперь она очень небрежно относится къ чувствамъ и симпатіямъ Сысойки. Она приемлетъ его юристо-подданническія чувства, его готовность умирать за царя, какъ что-бы общедѣлое, должное. Царь — это избалованная любовница. Самыя нѣжныя ласки ее не трогаютъ, никакія жертвы не приводятъ ее въ умиленіе, потому что она привыкла къ ласкамъ и жертвамъ. Она не можетъ себѣ представить, чтобы дѣло могло стоять иначе. Но чутъ Сысойка начнетъ слушать рѣчи о свободѣ — картина измѣнится мгновенно! Передъ нимъ станутъ унижаться и обѣщать ему съ своей стороны всякоѣ благополучіе, ему начнутъ твердить: Сысойка, все твоѣ спасеніе въ царѣ!

И пойдетъ игра: кто изъ двоихъ ловчѣе съумѣть перетянуть мужика на свою сторону — царь или русское пропагандированное общество?

Кому нравится подобная перспектива — пусть пробуетъ; что до менѣ — я вижу въ подобной борьбѣ мало проку.

Въ существѣ дѣла тутъ вѣдь будутъ другъ друга водить за ностъ: партія либеральная будетъ обрабатывать Сысойку, чтобы при его помощи заставить монархію сдѣлать уступки; монархія примется надувать Сысойку и либераловъ, чтобы остататься при своемъ; мужички будутъ поочередно теряться то около либераловъ, то около абсолютизма, смотря по тому, кто будетъ больше жертвовать въ ихъ пользу.

Кромѣ того, въ указанномъ пути есть одно капитальное неудобство. При помощи его, свобода не можетъ быть упрочена на неизбѣжныхъ основаніяхъ, и вотъ почему. Мужики, какъ мы говорили, бѣзлѣи всейкой политической агитацией на Руси. Прочно только то, за что онъ стоитъ и чего крѣпко желаетъ.

На этомъ же пути Сысойка будетъ ратовать за свободу не ради самой и не по собственной инициативѣ. Онъ совершилъ труду политической агитации для другихъ, постороннихъ людей, какъ работу по вольному найму безъ контракта, за которую ему обѣщаютъ заплатить хлѣбомъ, землей, сбывкой податей и т. д.

Есть другой, болѣе прямой и вѣрный путь. Но, какъ всѣ примѣи пути, онъ требуетъ концентрированныхъ единовременныхъ успѣхъ, напряженной дѣятельности. Онъ обойдется не дороже обходныхъ и кривыхъ путей, но за то требуетъ крѣпкихъ перековъ, ясного взгляда на вещи и мужества.

На немъ широкая политическая свобода является не главной задачей дѣятельности; она является, какъ неизбѣжный выводъ ея, какъ неизустримый побочный продуктъ въ химико-техническомъ производствѣ, какъ коксъ при добычѣ сѣтьевого газа, какъ дымъ при топкѣ печи.

Политическая свобода, полная неприсклоненности личности является здѣсь не результатомъ прозрѣній и истицій о свободѣ прессы и неприсклоненности личности, повергнутыхъ къ стонамъ его величества или поданныхъ на конѣ птицы политического революціонера, а „закономъ божіемъ, въ сердцахъ людей написаннымъ“.

Крѣпко и стойко охраняетъ свою неприсклоненность только человѣкъ независимаго характера, непрѣвѣтный гнуть спину, лѣзъ-за полуки ломать шапку передъ подрядчикомъ и ложиться безпрекословно подъ ноги. Такимъ долженъ быть нашъ Сысойка.

Что же ему недостаетъ для этого? Онъ чувствуетъ, чего ему недостаетъ.

Недостаетъ ему земли, душить его подати, душить произволъ урядниковъ и становыхъ.

Дайте земли Сысойкѣ, дайте ему неотъемлемо-принадлежащее

ему право облагать себя податью по спѣѣ-возможности, по своему усмотрѣнію,— вы не узнаете этого Сысойки. Эта самыи Сысой, на тѣлѣ котораго еще остались слѣды порокъ на волостномъ сходѣ по приказу станового, перекрецивающиеся со старыми рубцами временъ крѣпостного права, не позволить тронуть себя пальцемъ.

Этотъ Сысой не пойдетъ умѣратъ подъ Плевной въ день иманинѣ батюшки царя, но не остановится передъ Константинополемъ. Онъ не позволитъ свести со двора послѣднюю телку за подати, но не доведетъ своей страны до табачной монополіи. Онъ клочокъ сѣна не дастъ для лошади урядника, но не заставитъ сельского учителя умирать съ голоду. Онъ не станетъ давать взятки Главному Управлѣнію по дѣламъ печати, хотя журналисты его будутъ печатать свои газеты въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Какимъ же путемъ добиться этого сказочного превращенія?

Надобно начать агитацию съ другого конца, надобно дать Сысю то, чего онъ требуетъ.

Поставьте на вашемъ энамепи слова: экономическая, поземельная и податная реформа, уничтоженіе паспортной системы, свобода переселеній и передвиженій, бросьте только эти лозунги въ массу Сысокеи — и вы удивитесь сами имъ чарующему дѣйствию: ваша свобода-убѣждений, право контроля надъ властями, личная неприсклоненность станутъ вѣдь сомнѣнія и вѣдь вопросовъ.

Не испугайтесь только той широкой, могучей волны народнаго движенія, которая всколыхнется вслѣдъ за этой агитацией. А волна будетъ широкая и страшная. Это вѣдь не волненіе эфирной, газообразной или жидкой среды, — это будетъ колебаніе почвы, землѣтрясеніе!

Однако, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Нелегкая работа предстоитъ на этомъ пути.

Бросите въ народъ тотъ лозунгъ, о которомъ мы говоримъ, далеко не такъ легко, какъ подать прошеніе на высочайшее имя (хотя и это довольно трудно).

Люди русскіе, жаждущіе политической свободы, должны обречь себѣ на защиту крестьянскихъ интересовъ; крестьянскихъ требованій и желаній. Они должны являться и ходатаями его на судѣ и на земствѣ, дѣятелями сходокъ, вождями въ крестьянскихъ протестахъ, мѣрскими людьми, ссылаемыми въ катогру и ссылку. Они должны быть хранителями народа отъ всякихъ злоумышленныхъ пророковъ монархіи и пропагандистовъ III Отѣченія.

Вотъ путь къ политической свободѣ на Руси.

Какъ ни парадоксаленъ покажется онъ иному читателю — онъ тѣмъ не менѣе составляетъ прямой выводъ изъ основныхъ положеній, на которыхъ зиждется ученіе о политической свободѣ.

Давно уже сказано было Джорджемъ Меклітошемъ, что конституціи не выдумываются, а сами вырастаютъ, — а афоризмъ этотъ стало давно уже бесспорной истиной государствовѣдѣнія.

Мы же говоримъ только: сдѣлайте способной возрастить свободу ту почву, которая покрываетъ собою три четверти русскаго государства.

Другой мыслитель сказалъ, что государственное устройство данной страны — это равнодѣйствующая его экономическихъ и бытовыхъ оттенковъ.

Освободите ту громадную потенциальную силу, которая скрыта въ народѣ, дайте ей возможности проявить и выразить себя не въ разрозненной мелкой борьбѣ за существование, не во взаимномъ самопретрѣблении, — и рѣчьѣи неизбѣжныемъ наклонятся въ вашу сторону.

Сверхъ того — это путь, намѣченный самимъ народомъ. Всегда и вѣдѣ онъ идетъ отъ экономическихъ вопросовъ къ политическимъ, хотя иногда и казалось, что дѣло идетъ наоборотъ.

И въ нашемъ народѣ есть уже почва для подобной агитации.

Здѣсь вамъ не придется, какъ среди русской интеллигенціи, сбрасывать по одному человѣку единомышленниковъ и, собравшись вѣдѣ, задавать себѣ вопросъ: а на какомъ-же вопросѣ объединяемся мы окончательно?

Народъ выдвинулъ уже и выдвигаетъ постоянно цѣльную группу протестантовъ. Какъ ни неѣзна, какъ ни дика показается вамъ иная форма протеста, присмотрѣвшись къ дѣлу, вы увидите, что неѣзна только она форма, неизбѣжно, а иногда и превратно выражаящая заушиенную мечту русскаго крестьянинна о вольной землѣ и экономической независимости.

Присмотрѣтесь къ этимъ сектантамъ, проповѣдующимъ второе пріестіе, къ чигиринскимъ крестьянамъ, живущимъ „слушнаго часа“ и „чернаго передѣла“, дайте себѣ труду разобраться въ разныхъ отрывочныхъ извѣстіяхъ нашей аграрно-уголовной лѣтописи, прослѣдите за успѣхами соціалистической пропаганды въ народѣ, посмотрите, что даетъ жизненную силу всѣмъ этимъ явленіямъ, — и вы убѣдитесь, что путь, намѣченный зионо — не мои выдумка, а выводъ изъ житейской практики.

На этомъ пути много жертвъ, но иѣть разочарованій. И даже осмыслию сказть, что вѣдѣ его настъ ждѣтъ солдатина, собачья комедія конституціи, съ которой мы будемъ носиться иѣсколько мѣсяцевъ, — и

затомъ снова солдатчина, тюрьмы, штрафы, халуйство, хохопство, кражи, кражи и кражи.

«Позвольте, — прервьт меня читатель — вы просто проповѣдуете чистейший социализмъ, бунтарство какое-то! Мы же люди мирные, мы хотимъ политической свободы, а не социальной революціи».

Извините, отвѣтимъ имъ мы, то, что мы вамъ рекомендуемъ, да-леко еще не социализмъ, а обѣ социальной революціи тутъ и рѣчи нѣтъ. Это просто социально-экономическая агитация, имѣющая цѣлью поставить наше отечество на путь нормального развития и гаран-тировать ему политическую свободу.

Не скрою: дѣйствуя такимъ образомъ, вы будете играть въ руку социалистамъ. Но если вы не изъ мрачного союза, если вы не бѣть человѣчества, не реакціонеръ, то подумайте: возможна ли въ настоящее время какая нибудь прогрессивная мѣра или даже пол-умѣра, которая не была бы на-руку социалистамъ?

Будьте покойны, такой мѣры или полумѣры вы уматывать невозможно. Дайте свободу образованія — они первые ею воспользуются.

Дайте свободу прессы — они первые выступятъ съ десятками пе-риодическихъ и непериодическихъ изданий.

Дайте суду независимость — будутъ оправдывать политическихъ преступниковъ.

Да не прѣструкнется читатель вышеписанныхъ строкъ въ смыслѣ оправданія или объясненія реакціонныхъ мѣръ послѣдняго времени!

Реакція, стесненіе свободы человѣка — слишкомъ громадное пре-ступление, и никакихъ страхъ за общество, порядокъ и семью не мо-гутъ оправдать еї.

Всякая реакціоналъ мѣра оскотиниваетъ человѣка, стремится превратить его въ животное. Кто думаетъ, что социализмъ угрожаетъ цивилизациѣ, пусть не забываетъ, что реакція и репрессивные мѣры, дѣлая человѣка зѣбремъ, убиваютъ въ немъ всякую способ-ность хотя когда нибудь возстановать или поддержать ту цивилизацію и порядокъ, во имя которыхъ проповѣдуются и тюрьмы, и ви-сѣлицы, и сожиганіе книгъ, и зажиганіе ртуть, и прочій прелесті.

Реакція — это не лекарство противъ зла, это только способъ сорвать злобу, выместить за несправедливость, отвести душу — не болѣе.

Результаты ея борьбы съ социализмомъ какъ нельзя лучше под-тверждаютъ это.

Преслѣдуемыхъ она окружаетъ ореоломъ героя-тива и мучениче-ства; стремленіе заставить замѣлчать своего противника и запугать его явно доказываетъ невозможность борьбы съ имѣмъ на пощѣ убѣждений; взаимный антагонизмъ заостряется, ростить взаимное ожесточеніе, социализмъ превращается въ подземную силу, размѣры и направление которой не въ состояніи опредѣлить никто, даже подземные агитаторы. И реакція — не помощь противъ социализма!

Это доказываетъ только, что социализмъносится въ воздухъ, что откращивается отъ него глупо, невозможно, потому что время его пришло!

ОДЕССА ВО ВРЕМЯ СУДА НАДЪ КОВАЛЬСКИМЪ.

(Статья первая.)

§§) Въ исторіи русского революціоннаго движенія событие 30 января 78 г. въ Одесѣ должно занимать очень видное мѣсто; въ этотъ день горсть социалистовъ поставила ребромъ вопросъ о фактической борьбѣ съ императорскимъ деспотизмомъ. Не станемъ вос-крешать въ памяти всѣ обстоятельства вооруженного сопротивленія, оказанного жандармамъ на Садовой ул.; это извѣстно всѣмъ социалистамъ; мы намѣрены дать публичный отчетъ о волненіяхъ, происшедшихъ въ Одесѣ во время произнесенія приговора надъ Иваномъ Ковальскимъ.

20-го июля назначенъ былъ судъ надъ Садовцами. Въ обществѣ интересъ къ суду былъ на столько силенъ, что еще задолго до назначения времени суда билеты были разобраны. Нужно замѣтить, что, по внушению свыше, билеты раздавались предсѣдателемъ военно-окружного суда только лицамъ, завѣдомо благонамѣреннымъ. По ходившимъ въ обществѣ слухамъ, администрація предполагала, что дѣло кончится въ два-три дня, не болѣе; но разсчетъ оказался неоснователь-

нымъ; свидѣтельскія показанія, внущенные жандарма-ми, оказались полны противорѣчій, и для выясненія истины потребовалось четыре дня.

Администрація съ своей стороны приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы предотвратить какую бы то ни было возможность «нарушенія общественной тишины». Съ этой цѣлью во дворѣ военно-окружного суда распо-ложены были два взвода солдатъ, въ ближайшія ка-зармы — до суда совершило пустыя — введены были войска изъ лагеря, а въ жандармской казармѣ лоша-ди были осѣданы и нижніе чины въ полномъ воору-женія, какъ говорится, «на-готовъ». Около зданія суда расхаживали жандармы, къ прилегающимъ троту-арамъ поставлены были башкирскіе казаки съ циками на-перевѣсь, а по тротуарамъ густой цѣпью размѣ-щены были городовые, квартальные и пристава.

За два дня до суда объявленъ былъ приказъ, коимъ вмѣнялось въ обязанность полиціи неукоснительно блести за исполненіемъ слѣдующихъ пунктовъ:

1) Запереть проѣздъ по Каретному переулку, при-легающему къ зданію суда.

2) Въ виду интереса публики къ процес-су, не давать ей остановливаться передъ зданіемъ суда, дабы не затруднять движе-нія пѣшеходовъ по Гулевой улицѣ (подлин-ные слова циркуляра).

5) Слѣдить за исполненіемъ пунктовъ и съ нару-шиителями поступать по всей строгости законовъ.

Этимъ циркуляромъ интерес общества къ процес-су былъ, естественно, усиленъ: всякий предрасполо-женъ былъ видѣть въ немъ явленіе, выходящее изъ ряда вонь, всякий предвосхищалъ мысль о кровавой расправѣ властей надъ подсудимыми. Уже съ четверга, съ 8 часовъ утра, на тротуарѣ Гулевой улицы, противъ суда стала собираться публика; пошли раз-спросы о подсудимыхъ, и большинство неискущенныхъ съ нетерпѣніемъ ожидало, когда ихъ привезутъ въ судъ. Люди знающие объяснили, что подсудимыхъ еще въ 2 часа ночи привезли въ сопровожденіи каза-ковъ и жандармовъ.

Таинственный привозъ подсудимыхъ, грандіоз-ная охрана — все это предрасполагало публику съ-дить внимательно за процессомъ и видѣть въ немъ выраженіе борьбы между двумя силами: силою прави-тельства съ одной стороны и силою социалистовъ — съ другой. Процессъ, такимъ образомъ, принималъ въ строгомъ смыслѣ общественный характеръ.

Надо замѣтить, что 20-го июля былъ праздникъ Ильи пророка, потому, кромѣ интеллигентной публики, у зданія суда присутствовала и толпа простонародья. Затѣмъ 22 празднікъ Маріи Магдалины, а 23 — воскресенье. Такимъ образомъ, изъ 5 дней судебнаго разбиратель-ства, три выпали на долю праздничныхъ, когда на-родъ не работаетъ. Это обстоятельство въ значитель-ной степени содѣйствовало скопленію публики у зданія суда. Какъ я выше упомянулъ, полиція приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы не допускать скопищъ въ мѣстахъ, прилегающихъ къ суду; въ теченіи первого дня, пока публика не освоилась съ требованіями полицей-скихъ чиновъ, всѣ прогуливались взадъ и впередъ до

тротуарамъ, не останавливаясь; но на второй день, когда интерес къ процессу значительно возросъ, публика, раздѣлившись на небольшія группы, размѣстившись по бокамъ тротуаровъ. Полиція замѣтила это обстоятельство; какой-то изъ чиновъ скомандовалъ казакамъ окружить публику: казаки съ пиками на-перевѣсь моментально обступили ее вплотную,—произошла суматоха, пошли пререканія и объясненія со стороны публики; доводы послѣдней показались убѣдительными и для полиціи. Твердость и мужество публики устранили возможность повторенія подобной сцены въ оставльные дни процесса. И дѣйствительно, послѣ этого интересующіеся уже приливали къ зданію суда и покрывали сплошною массою всѣ тротуары, прилегавшіе къ нему.

Продолжительность процесса и праздничные дни дали возможность разъяснить публикѣ, что за люди подсудимые и какое значеніе имѣть ихъ преступление. Нужно замѣтить, что со времени садовскаго погрома власти распускали слухи о томъ, что сопротивлявшіеся съ оружиемъ въ рукахъ—ни болѣе, ни менѣе, какъ турецкіе шпаги, у которыхъ былъ складъ фальшивыхъ ассигнацій. Но обстановка суда писько не гармонировала съ характеромъ приписываемыхъ полиціей подсудимымъ преступлений; агитациѣ же соціалистовъ въ кориѣ подрывала вѣру въ слухи, распускаемые попечительными властями. Насколько агитациѣ велась открыто, можно видѣть изъ того, что въ сосѣднемъ трактире открыты были сборы пожертвованій въ пользу заключенныхъ.

Уже съ воскресенья интерес публики къ суду настолько усилился, что во время перерывовъ засѣданій толпа стремительно обступала всякаго, кто выходилъ изъ залы суда, и съ жадностью ловила всякую подробность о ходѣ дѣла. Въ понедѣльникъ, 24-го, начались пренія сторонъ. По окончаніи рѣчи защитника и слѣдовавшаго за нею часового перерыва, когда публика узнала, что послѣднее слово за Ковальскимъ и другими подсудимыми,—на улицахъ наступила мертвая тишина, лишь изрѣдка нарушающаяся стукомъ проѣзжавшихъ экипажей.

Толпа точно онѣмѣла. Она находилась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ словъ Бардовскаго: «Помните, гг. суды, что эшафотъ, обагренный кровью политического преступника, разжигаетъ страсти»; въ ея глазахъ Ковальский и его товарищи были уже мучениками.

Ковальский говорилъ долго и горячо; рѣчь его длилась 1½ часа.

Судь удалился на совѣщеніе. Было 2 часа по полудни.

Толпа раздѣлилась на группы; всюду слышны были оживленные толки, споры, рѣзкія выраженія и порицанія, направленные противъ суда. Посторонній наблюдатель, не знающій, чѣмъ вызвано скопленіе народа, былъ бы очень удивленъ смѣлостью сужденій. Полиція была нѣма и глуха ко всему окружающему.

Проходитъ часть, другой—въ публикѣ замѣтно нетерпѣніе; проходитъ еще часть, другой—нетерпѣніе возрастаетъ.

Уже 7 часовъ; толпа часть-отъ-часу возрастаетъ и

къ 8 часамъ покрываетъ сплошной массой всю прилегающую къ суду Гулевую улицу и часть Кузнецкаго переулка.

Четверть девятаго; фонари уже зажжены. Лихорадочное нетерпѣніе, вызываемое томительнымъ ожиданіемъ, достигаетъ своего апогея.

Судьи продолжаютъ совѣщаться.

Толпа точно обмерла; передъ ея глазами виднѣются залитыя огнемъ открытыя окна залы суда, видны тѣни часовыхъ, охраняющихъ подсудимыхъ; кругомъ тишина: слышны лишь порывистые вздохи женщинъ. Число казаковъ замѣтно увеличивается; пики на-перевѣсь обращены къ публикѣ.

9 часовъ. Въ залѣ замѣлькали тѣни: судьи окончили свое совѣщеніе.

Какъ бы по мановенію волшебной руки, всѣ окна моментально закрылись.

Толпу точно пронизала электрическая искра: всѣ засуетились, сомкнулись въ одну компактную массу.

Ужасающая минута! Публика затаила дыханіе и ждѣть... Черезъ закрытые окна замѣтно какое-то движение въ залѣ суда...

Всякое сомнѣніе исчезло: изъ суда раздался пронзительный, раздирающій душу крикъ: «Ковальскому смертная казнь!»

«Ковальскому смертная казнь!» — повторила, спустя минуту, какъ одинъ человѣкъ, толпа.

«Смертная казнь!» — пронеслось, какъ эхо, надъ трехтысячной толпой.

«Палачи! разбойники! душегубы! мерзавцы!...» «Смерть палачамъ Ковальскаго! смерть!...» — загудѣло въ отвѣтъ.

Толпа волновалась; многія женщины лишились чувствъ.

Моментально выведены были войска: солдаты прикладами, а казаки натискомъ лошадей старались заглушить голосъ общественнаго мнѣнія, карающаго палачей.

Соціалисты, бывшіе среди публики, не могли смотрѣть спокойно на гнусное, варварское отношеніе къ голосу общественной совѣсти,—и они протестовали, протестовали единственно-возможнымъ въ этомъ случаѣ средствомъ — револьверомъ.

Изъ толпы раздался выстрѣлъ. Пуля не попала въ желанную цѣль, но лицо, которому она предназначалась, поняло это:

«Пли!» — скомандовалъ его зычный голосъ.

Изъ заднихъ рядовъ показались три стрѣлка и одинъ за другимъ раздались три выстрѣла.

Чаша терпѣнія переполнилась.

Изъ толпы отвѣчали 18-ю выстрѣлами: двое изъ стрѣлвшихъ солдатъ упало.

Всѣдѣ за тѣмъ въ толпу было сѣлано еще два выстрѣла—и все смолкло... Передъ силой пѣхоты и кавалеріи толпа отступила.

Русское общество не воспитано на борѣѣ съ своимъ врагомъ: для него былъ уже геройскимъ подвигомъ и устный протестъ противъ приговора надъ Ковальскимъ.

Толпа начала рѣдѣть и двинулась по направлѣнію

къ Казенному саду, что на Дерибасовской улицѣ: Не болѣе 250 человѣкъ дошло до сада, который немедленно огласился негодующимъ крикомъ: «Ковалевскому смертная казнь!»...

Толпа пошла далѣе, на Приморскій бульваръ. Аристократія сибаритничала за столами, установленными напитками и яствами.

«Сволочь! — обратился одинъ рабочій къ благодушествующимъ — вы обѣдаетесь и опиваетесь въ ту минуту, когда осуждаютъ людей на смертную казнь! Палачи предаютъ смерти одного изъ лучшихъ сыновъ русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами! Будьте вы прокляты!»

Это было на улицѣ.

Въ залѣ суда произошла въ это время другая сцена. Какъ только прочитанъ былъ приговоръ надъ Ковалевскимъ, нѣкоторыя изъ присутствовавшихъ на судѣ дамы попадали въ обморокъ. Одинъ изъ подсудимыхъ, не вѣдущій своей участки, рванулся впередъ, пронзительный крикъ: «Подлецы! мерзавцы!» — вырвался изъ его наболѣвшей груди.

На улицѣ раздались выстрелы.

«Слышите, суды, слышите? — заговорилъ Ковалевскій — это голосъ общественной совѣсти! Общество просыпается отъ вѣкового сна... Я теперь покойно могу умереть. Месть за меня еще впереди».

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

КАМЕНСКАЯ СТАНИЦА. (Отъ собственнаго корреспондента.)

Вся русская исторія представляетъ ничто иное, какъ непрерывную борьбу государственности съ автономными стремлѣніями общины и личности. Борьба эта тянется красною нитью черезъ все 1000-лѣтнее существованіе русскаго государства, принимаетъ самыя различныя формы — отъ возстанія Стеньки и Пугачева до возведенія бѣгства отъ властей и полнаго отрицанія государственности въ религиозный догматъ. Эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами отнюдь не прекращается и въ настоящее время. Удалось ли государству внушить крестьянину другія привычки, другія стремленія, можно ли опираться революціонной партіи на эти, повидимому, задавленныя стремленія къ автономіи общины и личности — это вопросъ другой; я же въ настоящемъ письмѣ хочу только описать одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы — эпизодъ, имѣющій тѣмъ больший интересъ для читателя, что онъ совершаются на нашихъ глазахъ. Я говорю о волненіяхъ донскихъ казаковъ, по поводу введенія новыхъ правилъ пользованія общественными лѣсами. Правила эти состоять въ слѣдующемъ. Лѣсъ дѣлится большими просеками на 30 равныхъ участковъ. Рубка можетъ происходить ежегодно только въ одномъ изъ нихъ. Военпрещается пасти въ лѣсу скотъ. Вводится правильный сборъ лѣсныхъ плодовъ. Каждый казакъ имѣть право только на опредѣленное количество лѣса, между тѣмъ какъ до сихъ поръ каждый казакъ пользовался всѣмъ, «куда топоръ и коса ходили». Недовѣріе казаковъ, какъ и всего народа, къ его земскимъ

опекунамъ таково, что вопросъ о томъ, цѣлесообразны или нѣтъ предлагаемыя мѣры, вовсе и не поднимался, и только тѣ станицы, въ которыхъ преобладали стѣпные хутора, согласились подписать приговоръ обѣ отдачи лѣса подъ земскую опеку; лѣсныя же — почти всѣ протестовали.

Особенно упорно держалась и держится Луганская стана. Донецкаго округа. Эта станица со своими хуторами окружена со всѣхъ сторонъ лѣсами. Удобныя мѣста для пастьбы скота отстоятъ верстъ на 15 отъ нея, и, разумѣется, гонять скотъ такъ далеко очень неудобно, особенно, когда грозить еще перспектива постоянныхъ штрафовъ. «Вышла свинья за ворота — она ужъ и въ лѣсу: вотъ тебѣ и потрава!» — говорятъ казаки, и всякий знакомый съ мѣстностью вполнѣ согласится съ ними. Но не одни только эти неудобства заставляютъ протестовать противъ отдачи лѣса. Вѣковое недовѣріе народа къ правительству таково, что вслѣдъ за извѣстіемъ обѣ «отнятіи» лѣсовъ пошли толки о томъ, что тамъ де пойдуть отбирать озера, а послѣ «хоть ложись да помирай».

Одна казачка, на станичномъ сборѣ, даже сравнила земство съ парнемъ, который сунуть дѣвкѣ золотыя горы, покуда не добьется своего, а потомъ кругомъ обманываетъ ее.

Казаки, назначенные атаманомъ прокладывать просеки въ лѣсу, отказались, по желанію всей Луганской станицы, выйтіи на работу. Изъ Черкасской наѣхало разное начальство, въ томъ числѣ какой-то генераль, который хвастался передъ казаками, что усмирилъ въ 61 г. бунтовавшихъ крестьянъ. «Мы тебѣ не мужики!» — отвѣчали на это казаки. На одномъ изъ сборовъ, урядники, по приказанію начальства, стали было записывать наиболѣе возстававшихъ противъ отдачи лѣса. Но это замѣтили казачки, которые вообщѣ очень интересуются общественными дѣлами, — кинулись на урядниковъ и принялись ихъ бить на глазахъ у начальства, которое бросилось бѣжать изъ станичного правленія.

Началось было слѣдствіе по этому дѣлу, но станица заявила, что «били всѣ». Несколько разъ потомъ приказывали казакамъ выѣжжать для рубки просекъ въ лѣсу, и ни разу они не послушались.

Приказано было собрать новый сходъ; но едва кончилась обѣдня и атаманъ вышелъ изъ церкви, какъ его окружила толпа казаковъ, послышались ругательства и угрозы, которыхъ едва не перешли въ дѣйствіе. Атаманъ немедленно же отказался отъ должности и сходъ не могъ состояться. Потомъ казаки отправились къ квартирѣ землемѣра, назначенного для межеванія лѣса и проживавшаго въ станицѣ, и грозились убить его, если онъ не уѣдетъ. Прошло нѣсколько дней. Ночью, когда вся станица уже спала, кто-то выстрѣлилъ въ окно хаты, занимаемой землемѣромъ. Хотя онъ не былъ даже раненъ, но переполохъ былъ чрезвычайный. Утромъ землемѣръ поспѣшилъ уѣхать изъ Лугани, а за нимъ и храбрый военачальникъ, усмирявшій въ 61 г. крестьянъ. Этотъ послѣдній, еще на канунѣ хвалившійся, что онъ, хоть 30 лѣтъ проживетъ въ станицѣ, а поставитъ на своеимъ, такъ стру-

силъ, что не рѣшился удирать безъ конвоя.

Все начальство засѣло въ Митякинской станицѣ, въ 25 в. отъ Лугани, и оттуда требовало на судъ тѣхъ казаковъ, которые отказались дѣлать проськи въ лѣсу. Послѣдніе не бѣхали, а требовали, чтобы судъ самъ бѣхалъ къ нимъ. А пока тянулась между ними переписка, въ Луганской станицѣ шло слѣдствіе по дѣлу «о покушеніи на жизнь таксатора». Подозрѣвали сначала пѣсколькихъ казаковъ — одинъ былъ даже арестованъ, — но потомъ оказалось, что въ ночь, когда было сдѣлано покушеніе, онъ былъ на одномъ изъ хуторовъ. Стали валить все на какихъ-то темныхъ личностей, которыхъ жили передъ тѣмъ въ станицѣ, бывали даже на сходахъ и подстрекали, будто бы казаковъ къ бунту. Стали розыскивать этихъ таинственныхъ посѣтителей, но оказалось, что ихъ и слѣдъ простишь. Все дѣло было свалено на нигилистовъ.

Къ выстрѣлу населеніе относится сочувственно и жалѣть только, что таксаторъ не былъ убитъ. Между тѣмъ, казаки, которыхъ требовали на судъ по дѣлу о неповиновеніи распоряженіямъ атамана, рѣшились бѣхать: какой-то смѣльчакъ уговорилъ другихъ, что имъ-де и тамъ ничего не посмѣютъ сдѣлать. Но когда они явились въ Каменскую станицу, главную въ Донецкомъ округѣ, — всѣхъ ихъ (30 чел.) арестовали и посадили въ острогъ. Но это только подлило масла въ огонь: между казаками пошли толки о томъ, чтобы не платить совсѣмъ земскихъ и страховыхъ (страховыхъ, какъ они называютъ) денегъ. Они стали обвинять атамана въ предательствѣ и грозились убить его. Казаковъ пугаютъ военной экзекуціей, а они говорятъ, что «примутъ ее въ пики». Поднялся вопросъ: стоитъ ли давать землю (паекъ въ 200 д.) тѣмъ изъ офицеровъ, которые особенно энергично «усмирили» казаковъ.

Чѣмъ все это кончится — нѣизвѣстно; одно только можно сказать, что волненіе не ограничивается одной Луганской стан. Въ остальныхъ станицахъ того-же округа, напр. въ Гундеровской, казаки, хотя и не гонятъ таксатора, но владѣть лѣсами собираются по старому, и приговоръ подписали только «господа», т. е. офицеры, «чернь» же — простые казаки — противятся ему.

Вообще, какъ бы ни было различно сопротивленіе, недовольство вездѣ одинаково-сильно. Припоминаются какія-то предсказанія «стариковъ», которые давно говорили, что придетъ время, когда будуть стѣснять казаковъ, когда у нихъ отберутъ всѣ угодья, и тогда произойдутъ на тихомъ Дону смуты и будетъ кровопролитіе.

И теперь уже казаки другихъ станицъ начинаютъ съ зависью, смѣшанной съ уваженіемъ, смотрѣть на луганцевъ. «Вѣдь у насть какой народъ-то: имъ бы, какъ луганцамъ, гнать таксатора, а они уперлись, что не отдадутъ лѣсу, да и только; а таксаторъ вонъ уже просыкъ въ лѣсу надѣялъ», говорила мнѣ одна хуторская казачка.

До сихъ поръ я рассказывалъ вамъ о событияхъ, которыхъ или былъ очевидцемъ, или знаю отъ вѣрныхъ людей. Что же касается до слуховъ, то говорятъ, что въ

Слонской станицѣ, Усть-Медвѣдицкаго, если не ошибаюсь, окружъ, за таксаторомъ, выѣхавшимъ дѣлать что онъ едва спасся. Волнуются и въ Урюпинской станицѣ, волнуются въ Усть-Медвѣдицкой, Казанской и Раскольницкой. До сихъ поръ казаки воображаютъ, что стоятъ на легальной почвѣ. «Мы своей кровью завоевали эти мѣста, говорятъ они, кто же можетъ отобрать ихъ у насъ? Когда государь былъ на Дону, онъ прямо сказалъ, что у насъ останется все по старому».

Теперь, къ осени, стали возвращаться казаки съ войны и, понятно, встрѣтять далеко не въ радостю эту новую «царскую милость».

Интересно здѣсь особенно то, что казаки Донецкаго округа, где волненіе принесло самые большие размѣры, составляли 3-й Орлова полкъ, имѣющій самое большое число георгіевскихъ кавалеровъ и отличившійся въ забалканскомъ походѣ. Эти герой возвращались домой и безъ того сильно раздраженные мошенничествомъ ихъ полковаго командира, полк. Грекова, замѣнившаго Орлова. По разсказамъ казаковъ, онъ не выдавалъ имъ совсѣмъ фуражу для лошадей, между тѣмъ, какъ самъ получалъ по $2\frac{1}{2}$ р. за каждый пудъ сѣна, которое онъ, будто бы, выдавалъ лошадямъ. На возвратномъ пути, при посадкѣ на желѣзную дорогу, казаки, если вѣрить ихъ разсказамъ, «приняли его въ нагайки». Послѣ этого скандала, былъ вызванъ прежній командиръ полка, Орловъ, который и взялся умиротворить казаковъ. На площади въ нашей станицѣ происходилъ публичный торгъ казаковъ съ Орловымъ. Онъ предложилъ казакамъ 7 т. руб. съ тѣмъ, чтобы они прекратили всякое неудовольствие на Грекова. Казаки насчитывали, что онъ укралъ у нихъ 200 т., и требовали ихъ сполна, грозя, въ противномъ случаѣ, подать жалобу. Въ концѣ концовъ согласились на 25 т. р., по рублю на водку каждому казаку и по 25 р. на сотню для угощенія. Послѣ этого публичнаго скандала, они разошлись по домамъ и, разумѣется, только усилять собою контингентъ недовольныхъ правительствомъ.

ХАРЬКОВЪ, 9 Ноября 1878 г. (отъ собственнаго корреспондента). Въ послѣднее время наша харьковская тюрьма наполнилась «политическими»; всѣхъ сидящихъ въ настоящее время 7 человѣкъ: Ястремскій, крестьянинъ Громашъ, взятый недавно за распространеніе книгъ преступнаго содержанія, Фоминъ, Яцевичъ, Ефремовъ и 2 мнимые жандарма, покушавшіеся на освобожденіе Фомина. О положеніи заключенныхъ распространяться не буду; самый строгій надзоръ, постоянные обыски, въ которыхъ принимаютъ участіе полиціймайстеръ и даже вице-губернаторъ, дурная пища, невозможность имѣть книги и газеты — все это слишкомъ ярко, наглядно и не требуетъ комментаріевъ. Если добавить къ этому еще самодурство смотрителя, самодурство, встрѣчающее иногда отпоръ со стороны лицъ, противъ которыхъ оно направлено, то картина получится довольно

но полная. Про один изъ такихъ случаевъ я и напрѣнъ писать.

Однажды (въ концѣ октября) смотритель вошелъ въ камеру Ефремова и увидѣлъ его стоящимъ на окнѣ (что прежде не считалось преступлениемъ). Попадало строгое начальническое приказаніе слѣзть; но оно не оказалось должного дѣйствія на заключеннаго, за что послѣдній и былъ немедленно посаженъ въ карцеръ. Товарищи по заключенію, узнавъ объ этомъ, подняли шумъ, крикъ и начали бить стекла; Яцевичъ и Ястребецкий выломали даже рамы, что и дало поводъ посадить ихъ въ «темную». На другой день явился въ тюрьму самъ губернаторъ для разслѣдованія дѣла. При допросѣ Ястребецкаго, когда факты стали склоняться не въ пользу смотрителя, послѣдній сталъ извращать самый фактъ. Это возмущило Ястребецкаго — человека, надо замѣтить, крайне нервнаго — до того, что онъ нанесъ смотрителю нѣсколько оплеухъ. Результатомъ этого было шестидневное заключеніе въ темномъ карцерѣ и возбужденіе дѣла объ оскорблѣніи дѣйствіемъ должностнаго лица при исполненіи обязанностей. Остальные заключенные отдалась трехдневнымъ арестомъ въ темномъ карцерѣ.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

Конфиденціально.

....СКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ.

Милостивый Государь НН!

Въ переживаемый важный исторический моментъ, когда предстоитъ рѣшеніе вопросовъ, имѣющихъ общеевропейское значеніе, которые вмѣстѣ съ тѣмъ близко касаются нашего отечества, можно ожидать, что при томъ путемъ настроеніи русского общества, съ которымъ оно относится къ текущимъ событиямъ, при малѣшемъ подходящемъ случаѣ, будутъ посыпаться адресы и телеграммы, адресованные къ Особамъ Царствующихъ Домовъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, а равно и заявленія, имѣющія политическое значеніе. При этомъ легко можетъ случиться, что въ этихъ адресахъ или телеграммахъ будутъ помѣщены, умышленно или неумышленно, такія мысли, или же отдельные выраженія, которыя въ данный моментъ не соответствуютъполитическому положенію дѣлъ. Во избѣженіе сего, а также и вниманію къ тому, что только высшее Правительство можетъ вѣрно судить относительно умѣтности содержанія указанного рода адресовъ и заявлений, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проситъ меня принять мѣры, чтобы всѣ таکовые адресы, телеграммы и заявленія отъ дворянства, земства, городскихъ управлений и другихъ сословій, учрежденій и лицъ представлялись бы черезъ меня въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и только по полученіи отвѣта изъ Министерства, они могутъ быть отправлены по назначению.

Сообщая объ этомъ Вамъ, Милостивый Государь, для свѣдѣнія и руководства прошу принять увѣреніе въ совершенномъ къ Вамъ уваженіи и преданности.

18 Июня 1878 г.

№ 1.

22 Сентября, за № 106-мъ послано
ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ВСЕНОДАДНЫШАГО ОТЧЕТА ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА ЗА 1877-Й ГОДЪ.

Несмотря на общее, охватившее, все населеніе патріотическое одушевленіе, противуправительственные и противуобщественные элементы, гдѣздающіеся въ обществѣ, весьма часто въ минувшемъ году и съ особеною дерзостію заявляли о своемъ существованіи. Характеристическая черта дѣятельности пропагандистовъ — это систематическое застрашиваніе должностныхъ лицъ, за то или другое направление ихъ служебной дѣятельности; и даже за отдельные ихъ распоряженія по службѣ. Угрозы эти, дѣлаемы обыкновенно на письмѣ или вывѣшиваніемъ объявлений, конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ своихъ непосредственныхъ цѣлей, т. е. заставляютъ должностныхъ лицъ измѣнять, по волѣ угрожающихъ, принятѣе направление дѣятельности; но нельзѧ не признать, что въ известной степени, въ особенности въ отношеніи низшихъ степеней служебной іерархіи, система угрозъ и устрашений, сопровождаемыхъ иногда исполненіемъ угрозъ, приноситъ дѣствительно существенный вредъ и деморализируетъ служащихъ.

Число лицъ, арестованныхъ въ прошломъ году по политическимъ преступленіямъ, было незначительно, а именно всего арестовано 10 человекъ. Дѣла, по которымъ были произведены аресты, не имѣли особенно выдающагося значенія, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ Харьковѣ, въ особенности въ средѣ учащейся въ высшихъ заведеніяхъ молодежи, противуправительственная и противуобщественная теорія имѣютъ глубокіе корни и съ каждымъ годомъ привлекаютъ къ своимъ разрушительнымъ началамъ большее число послѣдователей.

Вообще можно сказать, что большинство студентовъ Харьк. Университета и Ветеринарн. Института принадлежатъ къ недостаточнымъ и необезпеченнымъ классамъ. Не получивъ ни дома, ни въ среднѣ-учебныхъ заведеніяхъ прочной нравственной подготовки и религіознаго воспитанія, представляютъ готовую почву для восприятія всякихъ ложныхъ, сумасбродныхъ ученій, и потому казалось бы настоятельно необходимымъ оградить по возможности высшія учебныя заведенія отъ чрезмѣрнаго и даже искусственно вызваннаго наплыва учащихся изъ среды недостаточныхъ классовъ.

Во всеподданѣшемъ отчетѣ за 1877 г. я изложилъ подробно касающіяся этого предмета соображенія. Нынѣ считаю умѣстнымъ прибавить, что принятие мѣръ къ огражденію высшихъ учебныхъ заведеній отъ искусственного накопленія въ нихъ неблагонадежной молодежи изъ недостаточныхъ классовъ, является еще болѣе настоятельнымъ въ виду ясной, несомнѣнной неблагонадежности большинства учащихся въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и тревожнаго состоянія государства.

Соціальный ученія, къ счастію, и несмотря на дѣланія многочисленныхъ попытокъ со стороны злоумышленниковъ, можно сказать, вовсе еще не проникли въ среду сельскаго населенія, остающагося вѣрнымъ начальству религіи, нравственности и порядка. Нельзѧ тогдаже сказать о низшемъ классѣ городскаго населенія, которое, подканичиваемое соціальными ученіями, во многомъ утратило прежнюю неприосновенность религіозныхъ вѣрованій и патріархальности семейныхъ отношеній. Классъ фабрічныхъ рабочихъ, весьма многочисленный въ Харьковѣ, требуетъ усиленнаго надзора и не пред-

ставляет залоговъ устойчивости противъ распространенія новыхъ учений. Въ средѣ этого населенія революціонная пропаганда встрѣчаетъ постоянное сочувство, и въ случаѣ какого-либо движенія въ смыслѣ перехода отъ теоріи къ дѣйствію, классъ харьковскихъ рабочихъ, въ огромномъ большинствѣ своеимъ, не представить отпора возмутителямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особенного вниманія подслушанныя агентомъ полиціи въ средѣ фабричного населенія разговоры объ обременительности податей, о неизвѣстности на что и куда тратятся деньги, забираемыя съ народа, о безконтрольности правительства и тому подобныя сужденія, неслыханныя въ простомъ народѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Конечно, свобода сужденій повременной печати могла частію навѣять подобныя мысли, но несомнѣнно, что главными виновниками подобнаго настроенія фабричного народенія это—распространители революціонной пропаганды, усиленно работающіе между фабричными г. Харькова.

Вообще политическое состояніе губерніи, спокойное въ отношеніи массы сельского населенія, помѣстного дворянства и вообще владѣльцевъ недвижимой собственности, весьма тревожно въ отношеніи низшихъ классовъ городского населенія, учащейся молодежи и тѣхъ подонковъ общества, не имѣющихъ ничего терять, которые столь многочисленны въ большихъ городахъ. Всего же опаснѣе та смѣость и несомнѣнная организация революціонной пропаганды, дѣйствующей послѣдовательно, энергично, готовой на все для достижения своихъ цѣлей. Борьба противъ этой пропаганды, составляющая наиболѣе нынѣ важную задачу правительства, можетъ быть ведена не иначе, какъ при содѣйствіи консервативныхъ, весьма еще многочисленныхъ элементовъ общества, поэтому всяческая поддержка этихъ элементовъ, усиленіе ихъ значенія есть дѣло мудрой внутренней политики. Къ сожалѣнію, наиболѣе важный консервативный элементъ въ государствѣ—помѣстное дворянство видимо клонится къ упадку.

Подлинное подпись за Начальника Отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ А. Тулульевъ. Скрыпиль фабрикантъ И. О. Яцыко.

Приказано Харьковскому Попечителю Управляющимъ Министер. Нар. Проеv. при секретномъ предписаніи.

Придворное извѣстіе. Побѣгъ императора изъ Ливадіи въ Петербургъ, устроенный министромъ Посытомъ и Дрентельномъ, окончился благополучно. Среди густог олѣса штыковъ, государь императоръ прослѣдовалъ отъ Николаевскаго вокзала въ Зимній дворецъ, при громкихъ крикахъ „ура!“ населенія, ожидающаго всякихъ парадовъ выѣзда съ прѣѣздомъ обожаемаго монарха.

Путешествіе его величества по желѣзной дорогѣ совершилось съ особенной торжественностью:

На 300 шаговъ царскому пѣдаду предшествовалъ локомотивъ, а на 50—другой. Въ почное время вдоль по дорогѣ зажигались смоляные бочки, стражи сплошной стѣной стояла около пути и хватала всякихъ зѣвакъ, который казался ей подозрительнымъ.

Торжественное путешествіе было продолжено порядковъ, задѣнныхъ цынѣ въ Ливадії. всякихъ прохожихъ, приближавшихъ на извѣстное разстояніе къ царскому дворцу, останавливали и заставляли ворочаться назадъ. При прѣѣздѣ на пароходѣ въ Яту, провѣрились у всѣхъ пассажировъ паспорта.

Скоро добрымъ вѣрноподданнѣмъ, при встрѣчѣ съ своимъ обожаемымъ монархомъ, придется удирать отъ него во всѣ лопатки.

Отголоски истории Цитовича. Намъ получены нижеиздѣдующіе протесты студентовъ Новороссийскаго и Московскаго университетовъ противу получив-

шей скандальную извѣстность брошюры Цитовича и не менѣе скандальной овациіи автору ея, устроенной кучкой студентовъ-юристовъ IV курса одесского университета.

Охотно давая мѣсто полученнымъ документамъ на страницахъ нашего издания, спѣшимъ заявить, что мы были увѣрены въ томъ, что неприличный пасквиль Цитовича не остается безъ отзыва со стороны передовой русской молодежи. Насъ удивляетъ только, что лица, наиболѣе скомпрометированный пасквилемъ Цитовича,—гг. профессора университетовъ, начальники и начальницы, распорядители и распорядительницы разныхъ женскихъ курсовъ—хранятъ по поводу него упорное молчаніе.

Цитовичъ говорить отъ имени университетской науки; представители ея, кажется, должны бы высказаться—солидарны они со своимъ собратомъ или нѣтъ?

Еще страннѣе молчаніе лицъ, завѣдующихъ женскими курсами. Если они солидарны съ Цитовичемъ, имъ слѣдуетъ бросить свои хлопоты о женскомъ образованіи; если-же нѣтъ, если имъ дѣйствительно дорого женское образованіе,—имъ не слѣдовало бы отдавать новаго дѣла на безнаказанное поруганіе.

Цитовичъ—профессоръ; его мнѣніе имѣть извѣстный вѣсъ въ глазахъ публики, несмотря на всю его нелѣпость. Кому-же, какъ не лицамъ, завѣдующимъ этими курсами, защищать ихъ, кто, кроме нихъ, можетъ въ глазахъ общества удобнѣе восстановить честь курсовъ?

Мы думаемъ, что нетолько ни одинъ начальникъ какого бы то ни было учебнаго заведенія,—ни одинъ содѣржатель или содѣржательница дома терпимости—къ которымъ Цитовичъ приравниваетъ распорядителей и распорядительницъ женскихъ курсовъ—не позволили бы такъ позорить свое заведеніе.

ПРОТЕСТЪ ОДЕССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

Г. ПРОФЕССОРЪ!

Прочитавъ брошюру вашу «Отвѣтъ на письма къ ученымъ людямъ» и оцѣнивъ по достоинству значеніе ея и цѣль, мы сначала рѣшили отнестись къ ней съ тѣмъ презрѣніемъ, котораго она вполнѣ заслуживаетъ; но заявление своего сочувствія къ вамъ юристовъ IV курса налагаетъ на насъ нравственную обязанность изложить вкратцѣ наше мнѣніе объ этой брошюрѣ, чтобы наше молчаніе не было и вами, и обществомъ истолковано въ томъ смыслѣ, что и мы солидарны съ ними, что и мы раздѣляемъ выказанные вами взгляды.

Вотъ наше мнѣніе. Ваша брошюра недостойна честнаго человѣка вообще, а профессора въ особенности. Во 1-хъ потому, что вы затронули въ ней такие вопросы, свободное обсужденіе которыхъ невозможно въ печати по условіямъ цензуры, и такимъ образомъ, нападая изъ-за сиены поліціи, вы нарушили основное правило честной борьбы: бороться равнымъ оружіемъ. Во 2-хъ, не входя въ подробный разборъ вашихъ положеній, мы считаемъ недостойнымъ человѣка науки быть противникомъ свободы научнаго изслѣдованія, свободы совѣсти, тѣхъ идей, для проведения которыхъ въ жизнѣ честнѣшіе борцы жертвовали свою жизнью. Во 3-хъ, выставивши на видъ уродливыя проявленія мысли и жизни, необходимыя при всякихъ общественныхъ движеніяхъ, вы сдѣлали намѣренно невѣрные, ненаучные выводы; къ этимъ уродливымъ проявленіямъ причислили и честнѣшія проявленія русской литературы. Приписали самой жизни, самой литературѣ —

связанной по рукамъ и по ногамъ — намѣренно безнравственная цѣлъ, запачкали грязью тѣхъ людей, которые заплатили жизнью и свободой за свои убѣжденія, — тѣхъ людей, которые всю душу положили на борьбу со зломъ и невѣжествомъ, царящимъ и теперь въ русской жизни, — тѣхъ людей, которыхъ молодое поколѣніе не перестанетъ уважать, несмотря ни на какія инсценациіи профессоровъ одного съ вами лагеря. Въ 4-хъ, вы обозначили свѣтлый ликъ современной русской женщины, поставили ее ниже помѣщицъ временъ крѣпостного права, наряду съ проституткой. Вы забыли ея честныя стремленія къ труду, къ знанію, забыли громадный процентъ женщинъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя ставить имъ между прочимъ и ученою сословіе. Вы забыли геройскіе подвиги ея на полѣ битвы; мы не говоримъ уже о другихъ подвигахъ ея, упоминать о которыхъ не доводится! Забвеніе подобного рода — смертный грѣхъ: это даже не забвеніе, а намѣренное искаженіе лучшихъ сторонъ русской женщины. Вы выслушали мнѣніе юристовъ IV курса, хотя и не всѣхъ, выслушайте же теперь мнѣніе всѣхъ студентовъ. (Слѣдуютъ подписи).

ПРОТЕСТЪ МОСКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

Товарищи!

Тяжелое впечатлѣніе произвело на насъ, студентовъ Московского университета, извѣстіе, что среди учащейся молодежи Новороссийского унив. нашлась кучка студентовъ, открыто заявившихъ свое сочувствіе взгляду г. Цитовича, автора пресловутой брошюры-пакости.

Не разъ уже все для насъ дорогое въ русской жизни и ея выразительницѣ — литературѣ было предметомъ пакостей и доносовъ со стороны М. Н. Каткова и рыцарей его лагеря, но мы относились къ нимъ съ тѣмъ презрѣніемъ, котораго они вполнѣ заслуживали; теперь же, когда на арену той-же позорной дѣятельности выступилъ, въ бронѣ псевдо-научныхъ положеній и выводовъ, „жрецъ науки“ и когда, изъ дополненія къ этому, въ аудиторіяхъ Новороссийского унив. написалъ, къ стыду студенчества, пакостики подобного рода дѣятельности, мы не можемъ, въ силу нравственной обязанности, ограничиться оцѣнкою этихъ чувствъ. Поэтому, заявляя свою полную солидарность съ лучшими дѣятелями русской жизни и литературы, на идеяхъ и принципахъ которой мы воспитаны, той русской литературы, которая являлась и является выразительницей лучшихъ чувствъ и стремленій русского передового общества, мы открыто протестуемъ противъ доносовъ г. Цитовича, и вмѣсть съ тѣмъ съ чувствомъ глубокаго омерзенія отворачиваемся отъ оваторовъ, которые несомнѣнно несуть званіе русского студента. Человѣкъ, который называется лучшими дѣятелями журналистики развратителями общества, тогдѣтъ въ грязь столь дорогій намъ имена: Добролюбова, Нисарева, Чернышевскаго, Некрасова и др., оскорбляетъ своими нечестивыми устами лучшія мысли и чувства молодежи, закидываетъ грязью свѣтлый обликъ русской передовой женщины, глумится надъ лучшими идеалами русского общества, самъ — человѣкъ, для характеристики нравственной физиономіи котораго неѣтъ достаточно сильного слова. Не менѣе безнравственны въ нашихъ глазахъ и тѣ лица, которымъ живутъ приверженцами своего „достоуважаемаго профессора“.

Принимая въ соображеніе вышеизложенное, мы, студенты Московского унив., присоединимся къ протесту нашихъ товарищъ (подпись). (Слѣдуютъ 300 подписей).

Этотъ адресъ былъ посланъ одесскимъ студентамъ; Цитовичу же было послано письмо болѣе рѣзкаго характера.

Возмѣніе въ учащейся молодежи. Начавшееся въ 1862 году преслѣдованіе студентовъ, вызвавшіе къ жизни невозможный уставъ высшихъ учебныхъ заведеній, нашло своего продолжателя въ лицѣ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, Григорія.

Результатомъ такой дѣятельности были повторяющіяся съ замѣчательной правильностью студенческія волненія, суды, высылки, преслѣдованія и т. д.

Начальство не хочетъ отказаться отъ своего устава, студенты не могутъ помириться съ нимъ — и вотъ въ настоящее время передъ нами снова разыгрывается одна изъ такихъ „студенческихъ исторій“, которая, по всей видимости, окончится жертвой школьнѣхъ десятковъ или сотенъ молодыхъ людей, ради сохраненія трехъ-четырехъ параграфовъ устава, который всѣ считаютъ безмыслиемъ, и соблюденія какъ-то профессора, на которого всѣ смотрятъ съ заслуженнымъ презрѣніемъ.

Въ наипрійшій разъ, не въ примѣръ прежнихъ исторій, починъ въ дѣлѣ протеста противъ начальства принадлежитъ не столичной, а провинциальной молодежи.

Дѣло на этотъ разъ началось съ Харькова, и такъ какъ харьковское столкновеніе связало очень тѣсно съ петербургскими волненіями учащихся, то мы ихъ и изложимъ вмѣстѣ, пользуясь имѣющімися у насъ сбѣдѣніями, доставленными намъ нашими провинциальными корреспондентами.

„Кто меньше знаетъ самъ, тотъ больше требуетъ знаній отъ другого“ — такъ сказалъ когда-то одинъ изъ уважаемыхъ ученыхъ и любимыхъ студентами профессоровъ по поводу одной программы, представляемой на экзаменъ. Эти слова объясняютъ вполнѣ поступки профессора харьковскаго Ветеринарного института Журавскаго. Знаменитый своимъ нѣвѣжествомъ профессоръ, желалъ воспользоваться предоставленными ему неограниченными правами стѣснять студентовъ и прижимать ихъ, попытался ввести въ Ветеринарномъ институтѣ еженедѣльныя репетиціи. (Скажемъ мимоходомъ, что репетиціи — изобрѣтеніе нашихъ доморощенныхъ нѣвѣжъ-педагоговъ; иначѣ на Западѣ, даже въ закрытыхъ высшихъ школахъ этого школьнаго правила — спрашиванія „пройденного“ — не практикуется).

Какъ и слѣдовало ожидать, студенты протестовали противъ дикаго поворотенія и протестовали довольно бурно: со свистомъ, съ выраженіеми неодобрения и порицанія профессору Журавскому. Нѣсколько человѣкъ студентовъ, къ стилу своей корпорации, тутъ-же, во время скандала, заявили свою несолидарность съ протестующими и просили записать ихъ фамиліи, что Журавскій и сдѣлалъ: но протестующая толпа вырвала изъ рукъ профессора списокъ и такимъ образомъ прѣкратила эту публичную выставку трусости и подхалимства. Результатомъ этой исторіи явился судъ профессоровъ надъ студентами, въ которомъ не постыдились посадить въ качествѣ судьи г. Журавскаго. Судъ вообще состоялъ изъ профессоровъ, отличавшихся безактными отношениями къ студентамъ и полицейскими замашками. Излишне добавлять, что заѣздій суда охранялся военной силой, что передъ инстантутомъ парадировали роты солдатъ съ мушкѣи въ боевыми патроны въ сумкахъ.

Ветеринары обратились къ студентамъ университета. Собрались сходка, одинъ изъ ветеринаровъ спѣлъ длинную прочувствованную рѣчь, въ которой выставилъ въ падежащемъ слѣдѣ положеніе студентовъ института, указавъ на солидарность интересовъ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Слова товарища не остались безъодинокими. Студенты отвѣтились къ попечителю, т. е. къ Жерве, и требовали удаленія профессора Журавскаго и назначенія суда надъ студентами изъ профессоровъ университета. Жерве потребовалъ депутатовъ, не желалъ говорить съ толпой. Депутатамъ онъ объяснилъ, что студентамъ университета не сѣдѣстъ въ залѣ Ветеринарного института, что онъ, въ противномъ случаѣ, примѣтъ самыя строгія мѣры, что надъ ветеринарами уже назначены судъ и т. д.

Несолено похлебавши у попечителя, студенты собрались въ университетѣ обсудить, что дѣлать. Тотчас же собрались военная и полицейская сила и окружила собраліе. Подъ защитой пѣхоты, на собраніе явились: ректоръ университета, попечитель учебнаго округа, тайный советникъ Жерве, и паконецъ самъ достославленій губернаторъ харьковскій, кнзій Крапоткинъ. Вмѣсто всякихъ разсужденій, начальство потребовало „разойтись“. Студенты взяли честное слово съ попечителемъ, что никто изъ расходившихся не будетъ арестованъ, и по одинокѣвъ начали удаляться. Одинъ студентъ, страдающій припадками эпилепсіи, почему-то замедлилъ уйти и остался на мѣстѣ. Попечитель немедленно указалъ на него губернатора, и герой харьковскихъ избѣгъ всѣхъ городонъмъ схватилъ студента и волочъ его въ часть. Студента новозовали и съ исками и побоями дотащили до квартала, где и бросили его въ дежурной комнатѣ.

На другой день на собраніи студентовъ слова подѣлились ректоръ и попечитель. Послѣдній держалъ себѣ съ наглостью, достойной тайного сорѣвненія. Онъ отпирался отъ своихъ словъ и дѣйствій, несмотря на то, что сотни свидѣтелей уличали его скемпично во лжи. Среди этихъ пререканій, толпа разгналась и дала дорогу студенту, арестованому наканунѣ и выпущенному поутру. Прерывающимъ голосомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ волненія и негодования, вновь прибывший рассказалъ всему собранію, какъ были его въ частіи и какимъ оскорблѣніемъ подвергался онъ

во время ареста. Сцена произвела потрясающее впечатление на присутствующих; въ толпе раздались негодующие возгласы. Попечитель не потерял присутствия духа: желая отвлечь внимание слушателей отъ происходившаго, онъ принялся кричать и грозить студентамъ, и скоро уѣхалъ.

Харьковская учащаяся молодежь, весьма основательно усматривая во всемъ случившемся новое нарушение правъ студентовъ, обратилась въ высшій учебный заведенія столице съ воззрениемъ, въ которомъ, изложивъ харьковскій событія, приглагаетъ къ солидарной агитациѣ и помощи въ борбѣ противъ начальства. Воззрение это оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ учащейся молодежи:

„Товарищи! неужели вы оставите этого факта (насилия начальства въ Харьковѣ) безъ послѣдствий—безъ протеста съ вашей стороны? Неужели мы не дождемся прямого и сильнаго заявленія отъ васъ, что нельзя бросать живыхъ людей, какъ мачики, въ Колу, Шенкурскѣ и Мезенѣ? Профессора университета заявили намъ свое сочувствіе, они пришли наши депутаты. Они поддержали насъ добрымъ словомъ участія,—неужели же мы не дождемся того-же отъ васъ, своихъ товарищѣй?“

Какъ и слѣдовало ожидать, столичная молодежь не заставила себѣ ожидать отвѣтъ. Въ университете и въ М. Х. Академіи посланіе харьковскихъ студентовъ читалось и обсуждалось на громадныхъ собраний; но такъ какъ исходъ агитациї въ этихъ двухъ учебныхъ заведеніяхъ былъ различный, то мы и разскажемъ объ нихъ порознь. Въ университете, на одной изъ сходокъ, особенно отличился почтенный А. Н. Бекетовъ. Онъ вообще любитъ выступать въ преніи со студентами въ подобныхъ случаяхъ. Въ 1869 году онъ тоже пробовалъ свою силу въ диспутѣ со студентами, хотя нельзя сказать чтобы удачно. На этотъ разъ Бекетову хотѣлось, главнымъ образомъ, помѣстить чтенію харьковскаго окружного посланія. Историцъ напрасно аргументацію, онъ приѣѣтъ къ довольно примитивному способу прекращенія собраний: прерывая чтенія постановокъ, какъ только тотъ открывалъ ротъ, чтобы начать чтеніе. Несмотря, однакоже, на эту довольно наивную мѣру, содержаніе письма сѣжалось извѣстнымъ студентамъ, и они рѣшили обсудить, что начать. Послѣ этого было нѣсколько собраний, по къ какимъ результатамъ они привѣтили — пеизвѣстно. Изѣвѣстно только, что надъ студентами нараженъ уже профессорскій судъ, презумсія котораго назначенъ Таганцевъ. Въ числѣ присланныхъ засѣдателей мы встрѣчаемъ имени Сѣченова и Бутлерова. Имена судей достаточно знакомы публикѣ; все они не разъ видѣли студенческій волненія, особенно послѣдній изъ нихъ. Не знаемъ, помнить ли онъ, какъ, въ бытность свою ректоромъ Казанскаго унив., онъ „съ сидѣющей лысиной и смущеннымъ лицомъ“ давалъ свои объясненія уличавшимъ его въ двуличномъ поведеніи депутатамъ отъ студентовъ — Христофорову и Манассену. Кажется, пора бы понять хоть ему, чѣмъ вызываются студенческіе волненія? Вѣдь вотъ съ 1862 года, пытадѣть лѣтъ слишкомъ уже, повторяются они; вѣчно студенты обращаются съ одними и тѣми-же требованіями къ начальству. Нѣкоторые изъ профессоровъ еще помнятъ тѣ времена, когда у студентовъ существовали и читальныя комнаты, и кассы, и сходки. Ни труса, ни потоца, ни моровой язвы отъ этого не происходило, и все-таки профессора эти судятъ и засуживаютъ студентовъ за то, что они снова требуютъ себѣ отыгнать права. Неужели не ясно для нихъ, что единственный способъ разъ навсегда покончить съ волненіями студентовъ — это удовлетворить ихъ ходатайству. Теперь, когда правительство систематически стремится подавлять высшее образованіе, когда мы дожили до того, что учащуюся молодежь третируютъ хуже крѣпостныхъ бы资料 of the time, не мѣшило бы гг. профессорамъ (тѣмъ, разумѣется, которые еще не продали души Толстому) выставить на конецъ правительству всю незѣность существующаго положеній высшихъ учебныхъ заведений.

Въ М. Х. Академіи рѣшено было, по проптѣ харьковскаго письма, отправиться къ Наслѣднику для подачи петиціи объ измѣненіи существующаго устава высшихъ учебныхъ заведений. Въ ночь послѣ этого собранія было арестовано человѣкъ 8 студентовъ; по это нѣсколько не помѣщало исполнению задуманаго предпріятія. На другой день утромъ нѣсколько сотъ человѣкъ учащихся двинулись, съ петиціей въ рукахъ, черезъ Воскресенскій мостъ. Вотъ текстъ этой петиціи, уже извѣстный читателю изъ прокламаціи къ „Студентамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведений“.

Ваше Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ!

Въ своемъ воззрѣніи по поводу событія 4 августа правительство высказываетъ ту мысль, что волненія молодежи причиняются зловреднымъ влияніемъ горсткихъ. Если В. В. припомните тотъ рядъ волненій, который проходитъ透过 the bridge over the river, если В. В. обратите вниманіе на то, что эти волненія отразились во

всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, то едва-ли В. В. согласитесь съ этимъ мнѣніемъ. Самая правильность, неизбѣжная повторяемость этихъ явлений указываетъ на то, что ихъ источникомъ служатъ условія, въ которыхъ поставлена учащаяся молодежь, — условія которыхъ она не можетъ долѣе терпѣть. Внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній студенты находятся подъ усиленнымъ полицейскимъ надзоромъ, внутри ихъ студентъ все болѣе и болѣе лишается правъ, которыхъ ни одинъ безпредвѣстный человѣкъ не можетъ не назвать есте ственными правами человѣка. Насъ лишаютъ права собраній для обсужденія общихъ дѣлъ; мы не имеемъ права устроить кассы, хотя бы для взаимной помо щи, — во всѣхъ этихъ случаяхъ намъ грозятъ преслѣдованіемъ въ самой неблаговидной формѣ администра тивно-полицейской расправы; за каждое изъ нашихъ собраній намъ угрожаютъ чуть ли не кровопролитіемъ Тамъ, где дѣло идетъ о нашихъ правахъ — нашу разъ единненность возводятъ въ законъ, тамъ же, где идетъ вопросъ о нашихъ стѣсеніяхъ — насъ разсматриваются какъ нѣчто цѣлое. Все болѣе и болѣе насъ лишаютъ независимости, необходимой взрослому человѣку, и нѣ которыхъ изъ насъ, какъ дѣтей, заставляютъ заниматься для репетицій. Постоянно затрудняется пріемъ въ высшій учебный заведенія, такъ что образованіе скоро станетъ привилегіе богатства.

Всѣ эти и имъ подобныя стѣсенія должны считаться единственнымъ источникомъ волненій, вродѣ проис ходящихъ теперь въ Харьковѣ. Мы знаемъ, что ожидаетъ харьковскихъ студентовъ: примѣръ кievskихъ волненій слишкомъ еще свѣжъ въ нашей памяти, — а между тѣмъ нельзя наказывать людей, когда нужно винить условія, въ которыхъ они поставлены.

На основаніи всего вышепрѣложенаго, мы, учащаяся молодежь, осмѣливаемся просить В. В. ходатайствовать объ избавленіи нашихъ харьковскихъ товарищѣй отъ административныхъ преслѣдованій и обратить вниманіе на настоящее положеніе учащейся молодежи.

Подача этого скромнѣйшаго изъ скромныхъ прошеній не обоплас безъ эпизодовъ. Прежде всего передъ студентами хотѣли развест мость, но не успѣли. Студенты перешли черезъ него въ то время какъ онъ разбрался. На Фурштадской линѣ загородили дороги войска съ ружьями па-переѣхъ. Студенты вступили въ переговоръ съ командующимъ п., выигравши такимъ образомъ нѣсколько минут времени, пробрались впередъ по-одиночкѣ (часть улицы была свѣдна отъ войскъ), тронулись по Литейной п., дойдя до Невскаго повернули къ Аничкову дворцу. При первомъ приближеніи студентовъ, ворота дворца были заперты и во дворѣ его выстроился краупль.

Въ эту минуту явился Зуровъ. Онъ уѣзжалъ студентовъ разо ться и далъ честное слово передать ихъ прошеніе въ руки Наслѣдника. Студенты требовали отвѣта въ трехдневный срокъ.

Отвѣтъ былъ данъ на другой-же день вечеромъ.

Собрание студентовъ въ М. Х. Академіи было окружено пѣшой конной силой, и самъ Зуровъ явился къ студентамъ, требуя, что съ собраниемъ разошлись. Отъ градоначальника потребовали было обѣній, но вместо обѣній пущены были изъ ходу нагайки. Студентамъ не дали возможности разойтись тѣхъ, которые пробовали спасаться бѣгствомъ, ловили и били нагайками. Нагайками избѣгли и большинство находившихся на сходѣ. Схвачено было 1 человѣкъ, которые и отведены въ казармы московского полка. Осталось немало изувѣчненныхъ. Одному раздавали ступину, у другого разбито колено, а исполосованныхъ нагайками почти столько сколько и арестованныхъ.

При этомъ происшествіи особенно хорошо заявилъ себя начальникъ Академіи, Быковъ, передавшій студентовъ съ рукъ на руки Зурову безъ малѣйшаго протеста, не сдѣлавъ даже ни малѣйши усилий предотвратить бойню.

Профессора высказали свое соболѣзваніе студентамъ, но, какъ всегда, профессорское имѣтельство имѣть цѣлью затормозить, тушить дѣло, а не хлопотать объ удовлетвореніи студенческихъ требованій. Боткинъ, напримѣръ, уѣзжалъ студентовъ стоять

законной почтѣ; увѣрять, что на законной почтѣ студенты — сплошь.

Боже мой! послѣ побѣденія налагайками и увѣчья пѣвой сотни студентовъ за то, что они осмѣялись почтительнѣше просить его имъ-сочество о сиюхъ нуждахъ, — толкуютъ еще добрые люди о какой-то законной почтѣ!

Говорятъ, впрочемъ, что профессора академіи сильно возмущены на-хальными поведеніемъ Зурова и его команды. Желаемъ имъ хоть на этотъ разъ дѣйствовать прямо и честно, по совѣсти. Еслибы они своеизменно хлопотали о нуждахъ и пользахъ студенчества, елибъ они прислушивались побольше къ голосу учащейся молодежи, забо-тились побольше о ея нуждахъ, — павѣрное, Россія имѣла бы не однѣ десятокъ лишнихъ медиковъ, которые теперь пропадаютъ въ тун-драхъ Сѣвера тѣ за Матиевскую, то за Циновскую, то за какую-нибудь другую пѣльную исторію.

Говорятъ, Насѣдникъ постѣнилъ мѣсковскія казармы и разрѣшилъ давать арестованнѣмъ въ лицу хлѣбъ и капу. (Награда со стороны его высочества въ отвѣтъ на довѣріе студентовъ къ его просыщенному застуничеству за нихъ.)

Заканчивая лѣтосицъ гнуснѣніяхъ полицейскихъ безобразій, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу сказаннаго, имѣя въ виду преимущественно учающуюся молодежь.

Конечно, нечего и говорить о томъ, что исторія съ Журавскимъ въ Харьковѣ и съ Зуровымъ въ Петербургѣ — прямое послѣдствіе нѣкоторыхъ установившихся мимоѣхъ порядковъ. Если молодежь и покорялась созданнымъ для нея ученымъ начальствомъ, купио съ Штѣфенсемъ, правильамъ, то покорялась, скрѣпя сердце, терпѣла по-ка терпѣль. Теперь дѣло дошло со стороны начальства даже до пагаекъ. Надѣемся, что лучшаго доказательства благихъ намѣреній начальства нельзѧ и требовать. Остается только два пути для дѣйствія: или немедленно уснооктвться, взяться за книжки и признать, такимъ образомъ, легальность расправы съ книжомъ въ рукахъ; или вести агитацию въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стараясь поставить вопросъ такъ: или въ университетахъ будутъ студенты, пользующіеся гражданскими и личными правами, или высшіи учебныи заведенія останутся безъ студентовъ.

Нечего и говорить, что послѣдній путь единственно достойный уважающихъ себя людей. Разъ поднять вопросъ о такихъ или иныхъ правахъ и гарантіяхъ — необходимо добиться ихъ во что бы то ни стало! Необходимо разъ павсегда покончить со студенческимъ вопросомъ, иначе ради него будуть неизменно періодически припоминаться бесполезныи жертвы Молоху — начальству.

Всѣ предыдущія студенческія волненія погибли благодаря тому, что не доводились послѣдовательно до конца и не были во-время поддержаны другими высшими учебными заведеніями. Въ настоящій моментъ дѣло серьезнѣе, чѣмъ когда-либо. Надобно пользоваться случаемъ, не слушать гг. профессоровъ и ихъ обѣщаній похлопотать, совѣтовъ выждать время и т. д. У самыхъ гуманитарныхъ изъ профессоровъ, у самыхъ честныхъ изъ нихъ всегда задания мысль въ головѣ: спасати молодежь отъ увлечений и отъ погибели, — то есть устроить дѣло такъ, чтобы студентамъ дана была возможность продолжать слушать ихъ лекціи, чтобы студенты перестали предѣльять свои требования начальству.

По нашему, такое счастіе разніостью погибели. Чтѣ думать объ людяхъ, которые, ради возможности слушать лекціи, будуть хладнокровно смотрѣть, какъ ихъ же товарищѣ полѣсуютъ налагайками? Гораздо желательнѣе, чтобы студенты спасли не карьеру, а честь! Въ жизни студентамъ, этимъ будущимъ дѣткамъ, предстоитъ много тѣжайшой борьбы. Прожить безмятежно честному человѣку на Руси невозможно. Какого же толку, какой поддержки для праваго дѣла можно ожидать отъ тѣхъ субъектовъ, которые, въ головѣ увлекающейся и горячей юности, спокойно созерцаютъ побѣднѣихъ тѣварищъ гг. Зуровымъ?

Гг. профессорамъ мы бы совсѣмъ побесѣдовали о законной почтѣ не со студентами, а съ Зуровымъ. Если-же они и въ даниомъ случаѣ примутъ разводъ студентамъ рѣчи о благоразуміи, умѣренности и аккуратности, то дадутъ полное право зачислить ихъ въ разрядъ „отличныхъ“.

Такіе люди будуть совершенно спокойно философствовать о поль-зѣ смиренія, когда на ихъ глазахъ будуть душить людей на улицѣ.

Хроника арестовъ. Къ изложенному въ № 1 „Земли и Воли“ обѣ арестахъ въ Петербургѣ, мы имѣемъ еще добавлять сдѣдующее: при арестѣ Сабурова, квартиру котораго, говорятъ, нашли по адресу, попавшемуся съ однимъ изъ арестованнѣхъ, нашли: 18 печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ, три корректуры первого листа „Земли и Воли“ и нѣкоторыи другіи вещи. Всѣ адресы и значительную часть писемъ оны успѣль сѣсть. Сабуровъ обвиняется по 252, 256, 318, 950 и 951 статьямъ, т. е. въ распространеніи книгъ, бродяжничествѣ, участіи въ тайномъ обществѣ и подѣлѣхъ паспортовъ.

На квартирѣ Сабурова взята Ольга Натаансонъ, у которой нашли печать какого то учрежденія, шифрованное письмо и записную книж-

ку. Кроме того арестовали нѣкоего Соболева (12 окт.), у котораго нашли: три башки съ черной краской, переплетный станокъ и до 100 разныхъ брошюръ. Онь обвиняется по тѣмъ же статьямъ, какъ Сабуровъ. — По слухамъ, прокуратура чрезвычайно недовольна тѣмъ, что всѣ подсудимые отказались давать какія бы то ни было показанія, а Сабуровъ — даже писать. — Что касается до Федоровой и Малышовской, то о нихъ говорятъ разно: одни утверждаютъ, что ихъ будуть судить военнымъ судомъ, другие опровергаютъ этотъ слухъ.

20 ноября жандармерія удостоила своимъ визитомъ ученицу петербургской консерваторіи, живущихъ на устроенной начальствомъ квартирѣ при помѣщеніи консерваторіи.

Появление нежданнѣхъ гостей, какъ сообщаютъ, произвело сильную сенсацію между питомцами муз., несмотря на то, что представители порядка старались быть вѣжливѣми до галантѣйности. Напр., ученицу, которую требовали въ № 1 Отдѣленіе, жандармскій офицеръ очень любезно попросилъ прогуляться вѣдѣть съ нимъ до Циннаго моста.

Во время обыска всѣхъ ученицъ запрятали въ одну комнату отъ соблазна. Несмотря однако же на такія предосторожности, въ консерваторіи только и рѣчи, что о необычайныхъ постѣтелеяхъ, о соціалистахъ и ихъ отношеніяхъ къ полиціи. Правителѣство, кажется, намѣreno бросить свою систему — держать подданныхъ въ блаженномъ нѣвѣѣніи происходящаго вокругъ нихъ, и проводить гласность даже до предѣловъ храма музъ. Что-же, и за это спасибо!

Изъ арестованнѣхъ въ провинціи мы имѣемъ извѣстіе о Сентянинѣ, обвиняемомъ въ участіи въ „исполнительномъ комитетѣ“ и въ вооруженномъ сопротивлѣніи при арестѣ, и Мироскомъ, арестованномъ въ Кіевѣ. Оба уже перенесены въ Петербургъ.

Что касается до Москвы, то конецъ сентября и начало октября въ ней были особенно обильны обысками и арестами. Между прочимъ, былъ взятъ студентъ Техническаго Училища Гамовъ, и на другой же день высланъ администраторомъ поряжкомъ. Затѣмъ жандармерія, по донесу дворника, патріону изъ квартиры студента того же заведенія, Ермолова, у котораго было найдено до 100 книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія и, кроме того, списокъ нѣкоторыхъ техниковъ, числомъ до 30. На спискѣ этомъ противъ каждой фамилії помѣчены были различные суммы денегъ. Но походу этого списка произведены обыски человѣкъ у 12 техниковъ, которые были арестованы и затѣмъ снова выпущены на свободу. Задержали дольше другихъ только Ермолова и еще Савича, у котораго нашли какое то письмо. Послѣдній отказался давать по поводу письма объясненія. На дѣлѣ Савича и Ермолова выпустили, но директоръ Техническаго Училища велѣлъ Савичу взять свои бумаги. Всѣхъ оставляемъ, числившихся въ спискѣ Ермолова, таскали въ Жандармскіе Управления къ допросу, где спрашивали у каждого: какихъ онъ уѣзжаетъ, соціалистъ ли, къ какой именно фракціи соціалистовъ принадлежитъ и почему его фамилія числится въ спискѣ. На этотъ послѣдній вопросъ отвѣчали различно: одни говорили, что это списокъ членовъ кружка по дозволенной кассѣ, существующей въ Техническомъ Училищѣ, другие, что это списокъ жертвователей на бѣдныхъ студентовъ. На вопросъ же объ уѣзжденіяхъ, отвѣчали или отрицательно, или уклончиво, или совсѣмъ отказывались давать показанія. Одного техника польского происхождѣнія допрашивали, напр., такими образомъ:

„Вы какой нациї?“

— Я не понимаю вашего вопроса.

„Да вѣдь вы же знаете, что соціалисты дѣлятся на народниковъ, пропагандистовъ и т. д.“

— Ваши вопросъ страненъ. Если я и былъ революціонеромъ, то при настоящихъ условіяхъ не сказала бы вѣдѣть этого.

„Ну, если вы не хотите сознаться, такъ ужъ пишите, что вы не соціалистъ. Но почему же вы все-таки не соціалистъ, почему они васъ не замѣрбовали?“

— Можетъ быть, потому, что я полякъ.

„Нѣтъ! они не признаютъ никакихъ національностей!“ — отвѣтилъ жандармъ.

Отъ другого техника, говорить, требовали, чтобы онъ выразилъ свои вѣрооподобнѣйшія чувства. Тотъ отвѣчалъ, что не понимаетъ, чѣмъ отъ него хотѣть, какъ ихъ выразить и т. д.

„Вѣдь вы же говорите, что вы не соціалистъ, и ту же выразите свои чувства“, разъясняли жандармы.

Техникъ приложилъ, наконецъ, руку и изобразилъ что-то вродѣ „нѣть власти аще не отъ бога“.

Послѣ этихъ допросовъ, по всему городу пронѣзъ слухъ, что полиція ходила по дворикамъ, заставляя ихъ наблюдать за лицами для писемъ и газетъ, чтобы никто не опускалъ туда противозаконнаго, а также, чтобы не наклеивали ничего на стѣны и заборы, потому, молъ, что затѣяется бунтъ, который долженъ быть опубликованъ такимъ образомъ.

Въ началѣ ноября послѣ небольшаго ватишья, аресты опять возоб-

новились. На этот разъ были взяты три или четыре женщины, но скоро снова были выпущены. — 12 ноября арестовано двое рабочих; один из них Николай Филиппов за неделю до ареста поступил в Техническое Училище. Затем аресты снова прекратились. Говорят, что в той полицейской части, где наибольше живутъ техники, увеличено число будочниковъ на 30 человѣкъ.

ИЗВѢСТИЯ.

Съ Новой Бумагопрядильнице. Читатели помнятъ стачку на Новой Бумагопрядильнице, что на Обводномъ каналѣ, стачку, надѣвшуюся столько шума въ Петербургѣ и провинціальныхъ городахъ. Въ настоящее время на той же фабрикѣ случилось съдѣющее, не лишенное интереса, происшествіе. 8 ноября (Михайловъ день) рабочие этой фабрики не явились на работу, мотивируя свое отсутствие темъ, что, дескать, — праздникъ, работать грѣхъ; между тѣмъ на остальныхъ фабрикахъ работа имъ своимъ чредомъ, и такъ какъ каждый рабочий день 2000 чл. приноситъ очень значительный барышъ гг. хозяевамъ Нов. Бум., то естественно, что такое воздержаніе пришлось имъ очень не по вкусу. Чтобы вознаградить себя, гг. хозяева рѣшили увеличить рабочий день съ 13 ч. (отъ 5 ч. утра до 8 ч. вечера, съ вычетомъ 2 ч. на щу), какъ это было до сихъ поръ, до 13 $\frac{1}{4}$, и продолжать работу на этихъ условіяхъ, пока изъ этихъ кусочковъ времени не составится полный рабочий день.

Два дня работа на фабрикѣ продолжалась до 8 $\frac{1}{4}$ ч., възбудждая общее неудовольствіе рабочихъ; но на третій день кому-то пришло въ голову завернуть главный газопроводный кранъ изъ 8 ч. и такимъ образомъ прекратить работу. Какъ только кранъ былъ завернутъ, рабочіе подняли крикъ, начали бить стекла, портить основу (попорченю 9 основы) и густой толпой повалили съ фабрики. Вѣрный союзникъ отечественной промышленности, полиція не успѣла на этотъ разъ явиться во время для восстановления "тишини и порядка", но за то на другой день послѣ этого происшествія на фабрику явилась цѣлая масса охранителей и до сихъ поръ еще работа продолжается изъ ихъ присутствія, хотя уже не до 8 $\frac{1}{4}$, а только до 8 часовъ.

Началась разборка: кто поступилъ, не видѣлъ ли кто, кто могъ это сдѣлать? Человѣкъ 7 рабочихъ таскали въ участокъ, но они отвѣчали, что ничего не знаютъ. Приставъ (тотъ самыи, что во времена стачки, уговаривая рабочихъ пади на работу, уговарывали ихъ апельсинами и попасъ водкой) горячился и кричалъ, что онъ "ушелъ изъ въ Архангельскую губ."(!); но и это не помогло. Одна женщина, которой работала недалеко отъ транса, будучи спрошена, показала, что какой-то человѣкъ съ лицемъ, завязанными передникомъ, вѣзъ на экипажѣ дѣздѣрильный кранъ. Такъ и до сихъ поръ не извѣстно, кто поступилъ газъ, хотя полиція употребляетъ всѣ усилия для разысканія виновнаго и фабрика клинитъ полицейскими.

— Намъ доставлены слѣдующія свѣдѣнія относительно **положенія администраціонно-политическихъ ссыльныхъ** въ Европейской Россіи:

"Изъ Великаго Устюга отправляются студента Голубова пѣшкомъ по этапу (онъ мѣщанинъ), да еще почему-то находять нужнымъ наѣхть на него ручные кандалы. И приходится несчастному студенту тащиться по грязнымъ дорогамъ, въ теченіи 63-хъ дней, съ браслетами на рукахъ, неизвѣстно почему.

Весьма своеобразно понимаютъ также исправники надзоръ полиціи. Напримеръ, Шенкурскій исправникъ понялъ его такъ: онъ выдалъ предписание городовому, где было изображенено: "Предписываю тебѣ наблюдать за такимъ-то и приказывать явиться къ нему на квартиру, входить въ комнаты и удостовѣряться, дома ли они. Это дѣлать днемъ и ночью не менѣе 2 разъ въ сутки и не болѣе 1 раза въ часъ". Такъ поступаетъ Шенкурскій исправникъ, а про него говорятъ, что онъ самый гуманій изъ всѣхъ архангельскихъ исправниковъ.

Холмогорскій же помощникъ исправника идѣть несравненно дѣлье. Онъ въ одинъ прекрасный день рѣшилъ, что, такъ какъ нельзя усѣдѣть за ссыльными Лопатинскими, то онъ считаетъ нужнымъ посадить его въ тюрьму. Немедлено было Лопатину избавиться отъ этаѣй напасті!"

Изъ Києва*) о студенческихъ волненіяхъ намъ пишутъ:

Слухи о студенческихъ волненіяхъ въ Харьковѣ, Петербургѣ и Москвѣ, сначала темные и сбивчивые, но съ каждымъ днемъ становившіеся все определеннѣе и определеннѣе, расширяясь и наше студенчество; этому немало способствовали опубликованные въ газетахъ правительственные мѣропріятія, расширившіе прописовъ и опеку полиціи въ отношении къ студентамъ и привлекавшіе вниманіе учебныхъ заведеній къ площадямъ и улицамъ. — Заволновалось наше студенчество, начались сходки сначала на частныхъ квартирахъ, а

затѣмъ въ бояхъ общирныхъ размѣбрахъ собрались въ стѣнахъ университета, где и было решено собрать генеральную сходку въ понедѣльникъ, 11 декабря. Не знаю, нужно ли прибавлять, что полиція, оповѣщенная обо всемъ происходившемъ, примила свои мѣры противъ "безнорядковъ". Утромъ 11 декабря студенты, начавшие собираться въ университетѣ, нашли всѣ входы запертыми и охранимыми полиціей и неделями, а на входныхъ дверяхъ увидѣли объявление, оповѣщающее гг. студентовъ, что лекціи, по случаю праздника, прекращаются по распоряженію университетскаго начальства. Тутъ началъ карабкаться тѣ, кто время, какъ у входа скопилась групка недодумывающихъ студентовъ (прекращеніе лекцій было для нихъ неожиданнымъ сюрпризомъ), подѣхалъ проректоръ, лицо несомнѣнно принадлежащее къ числу начальства, и было крайне удивленъ объявленіемъ, вышедшемъ по распоряженію начальства. Полиція, распорядившаяся о выѣзжаніи вышесказанныхъ объявленій, этимъ не ограничилась, а продолжала принимать свои обычнѣнія мѣры: дверь лабораторіи, помѣщавшейся рядомъ съ зданиемъ университета, была наполнена казаками, дверь старокиевской — тоже; у здания университета появилась цѣлая толпа переодѣтой и неперевѣтной полиціи. — Около 12 часовъ объяснили входъ въ университетъ дозволеннымъ (до сихъ поръ пускали только по однѣнокѣ). Публика хлынула изъ коридора, но нашедши вторыхъ двери запертыми, выломала ихъ. Извѣшился ректоръ, несъ какую-то околосину, обращая вниманіе на то, что двери покрѣпѣли, и затѣмъ удалился. Иоганнъ публика разошлась, рѣшила собраться на другой день съ цѣлью подачи петиціи попечителю и заявленія своей солидарности съ петиціей, поданной петербургскими студентами Насѣѣннику. — На слѣдующее утро, совершенно неожиданно, 10 студентовъ были извѣстными приглашены новымъ ректоромъ Бунге (онъ только наканунѣ вступилъ въ открытие своей должности) по студенческимъ дѣламъ. Избранные явились. Ректоръ съ свойственнымъ ему многословіемъ объяснилъ приглашеніемъ, что, ставши на нелегальную почву, они лишаются его содѣйствія; если же гг. студенты будутъ вести себя наспѣшками, то онъ, ректоръ, обѣщалъ хлопотать о разрѣшении студентамъ лекторій, кассы и праѣа сходокъ; онъ, ректоръ, самъ находить много недостатковъ въ нынѣ действующемъ уставѣ, но улучшать его сдѣлываетъ постепенно, законнымъ путемъ, съ боязни и его, ректорской, помощью. Съ "томой" говорить ректоръ отказался. Сходка разошлась, рѣшила послѣ праздника потребовать отгета у ректора о результатѣ его ходатайства. Подождемъ — увидимъ, чѣмъ кончатся эти волненія.

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Союзъ Ливорнскихъ студентовъ. Въ "Итальянской Газетѣ" помѣщено извѣстіе объ основаніи среди Ливорнскихъ студентовъ союза въ память Карла Нобилинга. Приводимъ въ переводѣ текстъ манифеста основателей, рисующій передъ нами какъ цѣль нового союза, такъ и настроеніе представителей итальянской молодежи:

"Передать будущимъ поколѣніямъ память о великихъ людяхъ, работавшихъ первыми, словомъ и дѣломъ во имя освобожденія человѣчества — задача достойной служителей великой идеи. Одушевленные этими чувствами Ливорнскіе студенты рѣшили образовать союзъ имени Карла Нобилинга, имѣя при этомъ въ виду, съ одной стороны, указать всему народу на великое историческое значение безстрашнаго итальянскаго философа; съ другой, пользуясь его именемъ, характеризовать цѣль самого союза, который намѣривается посвятить себя борьбѣ за полное и всестороннее освобожденіе человѣчества отъ троиственного гнета: государства, капитала и религіи. Студенты! Если ваша дорога побѣда истины и справедливости, собирайтесь подъ знамя нашего союза и готовьтесь къ борьбѣ съ нашими угнетателями, девизъ которыхъ резюмируется въ словахъ: наспіле, деньги и религія.

Ливорно, 26 октября 1878 года."

Намъ остается только привѣтствовать нашихъ итальянскихъ товарищъ, представителей Ливорнскій интеллигентной революціонной молодежи и пожелать имъ успеха въ ихъ благомъ начинаніи.

Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать итальянской революціонной молодежи чувства глубокой братской солидарности нашей. Среди представителей молодого поколѣнія различныхъ странъ Европы, по духу и направлению всегда самой близкой къ русской молодежи была итальянская. Извѣстъ, какъ и изъ нашей молодой интеллигентіи, вербовались сыны революціонныхъ партий. Итальянскую молодежь мы видимъ всегда въ рядахъ "святого гонителя свободы": мы видѣли ее и на чрезъ безнадежно-огненныхъ инсургентовъ оклеветанаго Беневентанскаго восстанія, видѣли ее всюду, где надобно было рисковать ради идеи освобожденія человѣчества.

Русскіе революціонеры постараются быть достойными товарищами своихъ итальянскихъ собратьевъ.

**) Вместо извѣстій изъ Киприна и Одессы, помѣщаемъ кievskie извѣстія, какъ болѣе интересныя.

НА СВѢЖУЮ ВОДУ!

(известія, замѣтки, слухи, курьезы.)

Изъ закулисныхъ продѣлокъ цензуры.

— Въ сюжѣтъ съ III Отдѣленіемъ, цензура принала за аресты. Цензорамъ дано строгое винченіе внимательнѣе присматривать "злую и порочную волю". Изъ ноябрьской книжки "Отеч. Зап." вырѣзаны статьи: Щедрина (объ урядникахъ) и Михайловскаго "Отдать Цитовичу". Такимъ образомъ, Цитовичъ признается выражителемъ правительства въ газетахъ...

— Арестовано, даѣте, 2-е изданіе книги П. П. Пина и С. С. Соловьева "Исторія славянскихъ литературы", которая должна была выйти 18 ноября. Причиной ареста послужило то, что въ этой книжкѣ, по примѣру 1-го изданія, есть глава о малороссийской литературѣ, — между тѣмъ какъ г. Пининъ должно было быть извѣстно, что Малороссію, малороссийский языкъ и литературу, по волѣ царской, вѣдно считать не существующими, но даже никогда и не существовавшими. Эхъ, г. Пининъ! какой же вы ученикъ, если пишете трактаты о небыльныхъ вещахъ? Развѣ вы не знаете, что Шевченко никогда не жилъ и ничего не писалъ? Вотъ за то и казнитесь теперь!

— Въ дѣлѣ розысканія интей и корней, особенною проницательностью, доходящей до сомнибулизма, отличается Тимашевъ. Сей мудрый онекунъ русской печати въ стихотвореніи "Передъ зарей", помѣщенному въ ноябрьской книжкѣ "Вѣсти. Евр.", открылъ такіе ужасы, о которыхъ, вѣроятно, и во снѣ не сидѣло ни редактору, ни другимъ "проницательнымъ" читателямъ. Городскіе слухи утверждаютъ, что Тимашевъ призвалъ къ себѣ Стасюлевича и обратился къ нему, пріимѣро, съ такимъ воскликаніемъ: "Бунтъ! Революція! Разоръ! Не потерплю!" и т. п. Даѣте, министръ выскажалъ догадку, что въ стихотвореніи вычеркнуто "по-вященію": эти стихи, по его мнѣнію, посыпаются "кинжалщиками". Даѣте, подъ "зарей", по толкованію министра, надо разумѣть "революцію", "гайды", бѣгущіе отъ свѣта, — это особы августейшей фамилии и министры!... и пошелъ, и пошелъ! Вотъ ужъ, по истинѣ, чисто министерская проницательность.

Въ заключеніе, унівѣршился Тимашевъ подарилъ Стасюлевичу красный карандашъ: марайте, моль, марайте болѣше!

— Въ Москвѣ вышла небольшая и совершенно безобразная книжка "Четыре фазиса правительства". Цензура однако не пропустила книжки.

"Что же въ ней нецензурного?", спрашиваютъ предсѣдателя цензурнаго комитета.

"Несмотря на критическое отношеніе къ утилитаризму, авторъ все-таки находить въ немъ хорошія черты".

— Но вѣдь эта книжка научная, изъ числа тѣхъ, къ которымъ цензурный уставъ относится благосклонно, и вы, задерживая книгу, прямо нарушаете законъ".

"Да, какжѣ! Намъ за сѫбѧю дѣнѣи устава присылаютъ каждую пѣдѣль особы головомойки изъ Петербурга отъ Главнаго Управления по дѣламъ печати!" — раздраженно отвѣтилъ цензоръ.

Книжка вышла съ значительными помарками.

Вареоломеевская ночь. Съ 13-го ноября чуть не въ каждомъ домѣ въ Петербургѣ говорятъ о "Вареоломеевской ночи". Одни ожидаютъ повального жандармского обыска у всѣхъ петербургскихъ жителей, другие — уличной рѣзни. Вѣрою только одно, что въ петербургскихъ казармахъ содержатся подъ ружьемъ иѣскою роты солдатъ, и по начальству бродятъ по городу вооруженные патрули. Идея почтогого нападенія на Петербургъ не нова. У Щедрина въ "Истории одного города" упоминается градоначальникъ, который бралъ городъ Глуповъ штурмомъ; но только тотъ за это "пожалъ не получилъ", а былъ "отставленъ съ распубликованіемъ".

Отголоски правительства соображенія о подкапывателяхъ основы. — Полиціймейстеръ города Ростова на Дону, г. Сербиковъ, вдохновившись правительственнымъ сообщеніемъ насчетъ соціалистовъ, перепечаталъ его въ 1000 экземплярахъ и, при особомъ приказѣ, распространялъ его по городу. Приносимъ искреннюю благодарность этому ревнителю соціализма. Теперь всѣ обыватели, съ легкой руки градоначальника, начнутъ интересоваться вопросомъ о соціализмѣ. А этимъ уже половина нашего дѣла сдѣлана.

— Въ Глуховскомъ уѣзѣ одинъ помѣщикъ, начитавшись правительственныхъ сообщеній о "подкапываніи основы" и необходимости "стать на стражѣ", рѣшилъ принять соотвѣтствующія мѣры для обеспеченія своей безопасности.

Свой хуторъ онъ общесь высокимъ частоколомъ, окопалъ глубокіе рвы, закупилъ огнестрѣльного оружія, пороху и учредилъ денную и ночную стражу вокругъ дома.

Такое необычайное проведеніе навело на помѣщика подозрѣніе неѣстественного исправника, который явился къ нему съ обыскомъ и потребовалъ объясненій насчетъ постройки временнаго укрѣпленія на мѣстѣ мирнаго помѣщичаго хутора.

— Въ правительственномъ сообщеніи говорится о подкопахъ — я предупрежденіе такого несчастія вырылъ каналъ. Вѣдьно стать на стражѣ — я налья сторожей и дамъ имъ ружья. Кажется, я испытываю свою обязанность и не знаю, чего еще отъ меня требуютъ — отѣбывать точный исполнитель предписаній правительства, на просьбу исправника.

Урядники и гласность. Въ № 235 "Бирж. Вѣд." была помѣщена корреспонденція изъ Суджанскаго уѣзда, въ которой передавались факты, характеризующіе дѣятельность урядниковъ. Въ "Прав. Вѣсти" отъ 3 ноября появилось отъ министра внутр. дѣлъ разясненіе, изъ котораго оказывается, что сообщенія корреспондентомъ факты иѣрны и что правительство "не оставляетъ и вперед не будетъ оставлять ни одного изъ доходящихъ до него сѣдѣній о неправильныхъ дѣйствіяхъ полицейскіхъ урядниковъ безъ должнаго вниманія и самаго щадительнаго изслѣдованія, результатъ которыхъ всегда будутъ доводами до всесобщаго сѣдѣнія".

Такая заботливость правительства объ охраненіи гражданъ отъ нападений со стороны полиціи является актомъ необыкновенно либеральнаго и прогрессивнаго, особенно если принять во внимание, что totчасъ появленія упомянутой корреспонденціи вся periodическая изданія получили приглашеніе со стороны министра внутр. дѣлъ "позержаться отъ всякихъ обличителей и ихъ и порицательныхъ статей по отношенію къ полиціи, отравляясь сѣдѣніями, сообщаемыми въ "Прав. Вѣсти". Послѣдній превращается положительно въ органъ полицейскихъ урядниковъ недавно онъ прочелъ строгую нотатку "Новому Времени" за недостаточно умилитарное отношеніе къ юридической дѣятельности.

Ходить слухи, что Мезенцева убили вел. князь Николай Константиновичъ. Любопытно видѣть, съ какимъ упорствомъ моль присыпываетъ у головщину членамъ царской семьи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ подобнаго предположенія говорятъ очевидные факты.

Бѣда за бѣдой. У интендантскаго чиновника маюра Тимофеева изъ 470,000 пуд. сѣна въ продолженіи иѣскоюхъ мѣсяцевъ въ съхомъ (!!) 150,000 пуд., и разнесло въ тромъ (!!) до 3,500 пуд. ("Нов. Вр. № 980"). И его же, несчастнаго чиновника, обвиняютъ еще въ принятии подмоченной мукѣ "для воиновъ" и другихъ тому подобныхъ дѣйствій. Неужели безжалостный съдователь не остановится въ умиленіи передъ трагическимъ, небывалымъ зрѣніемъ виновнаго подиавшаго вихря, тучи рогожи, летящихъ на небо, и интендантскаго чиновника Тимофеева, рвущаго на себѣ волосы?!

ОБЪЯВЛЕНИЯ И ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Отѣбѣть на письмо въ редакцію, писанное по порученію кружка "раздѣляющихъ" нашу программу. Если вы не настаиваете на опубликованіи вашего письма, то мы, съ своей стороны, не видимъ въ этомъ надобности. Мы надѣемся, что посыпавшіе №№ "Земли и Воли" дадутъ объясненія на ваши запросы. Отѣбѣть на каждый изъ предлагаемыхъ вами вопросовъ потребовалъ бы особой статьи, и уже по одному этому вы направно падѣлись найти его въ первомъ №.

Статья "По поводу подыгровъ прессы" вызвана необходимостью отѣбѣть на нападеніе противниковъ.

"Письма чистосердечнаго россиянина" только начаты въ первомъ №, и мы желали бы знать, не перемѣнили ли вы своего мнѣнія, прочитавъ второе.

— Получено: отъ "кружка сочувствующихъ" изъ г. № 30 р.— отъ "сочувствующихъ" изъ Казани 30 р.— изъ провинціи отъ А. 5 р.— отъ "сочувствующихъ" изъ Н. 5 р. 79 к.— отъ "покалывавшаго жандарма" 150 р.— отъ "представителя экономической гармонии" 100 р.— собранные отъ "Мира" 40 р.— отъ К. У. черезъ В. О. 44 р. и 6 р. въ счетъ годовой подписки, итого — 50 р.

О получении денегъ будетъ публиковаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда того пожелаютъ сами жертвующіе. Р. д.

— Редакція "Впередъ" проситъ наст. сообщить, что ею получены отъ Ф. К.—100 р.—изъ П. отъ С.—еще 200 р.—изъ К. отъ V.—10 р.

Извѣщенія о всѣхъ прочихъ денежныхъ взносахъ, статьяхъ и т. д., пропущенныхъ въ V т. "Впередъ", а также о полученныхъ по его выходѣ въ сѣнѣ, будутъ помѣщены при первой же имѣющей выйтіи книгѣ изданія редакціи "Впередъ".

— О пѣчаткѣ. Въ № 1 "Земли и Воли" въ статьѣ "О подыгровъ прессы", и въ декабрьской книжкѣ "Вѣсти. Европы" въ статьѣ по поводу нашей газеты упоминается о Милонѣ Обреновичѣ, какъ о герое Косова поля; просимъ читателей исправить эту грубую ошибку: скѣдуетъ читать Милош Обреновичъ.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ № 2 "Земли и Воли" замѣсто "Каменекая станица" напечатано "Калинекая ст.", — замѣсто "Еланекая ст.", — "Слонекая ст.", въместо "Раскопинская ст.", — "Раскольницкая" въместо "30-й казачий полкъ" — 3-й казачий полкъ.

"Петербургская Вѣдомость Типографія". 20 декабря 1878 г.